

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования.

Humanitates

TYUMEN STATE
UNIVERSITY

HERALD

Humanities research.

Humanitates

Журнал основан в 1998 г.

Выходит 4 раза в год

Том 9. № 2 (34)

2023

Vol. 9. No. 2 (34)

Founded in 1998

A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Главный редактор

И. М. Чубаров, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

Г. И. Баязитова, Тюмень, Россия
В. М. Костомаров, Тюмень, Россия
Вяч. С. Кулешов, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Кузнецова, Тюмень, Россия
А. А. Медведев, Тюмень, Россия
Е. В. Михалькова, Тюмень, Россия
Е. В. Новокрещенных, Тюмень, Россия
Н. С. Чижов, Тюмень, Россия

Ответственный секретарь

И. Н. Пупышева, Тюмень, Россия

Редакционный совет

А. А. Арустамова, Пермь, Россия
Н. Н. Белозёрова, Тюмень, Россия
Т. В. Викторова, Страсбург, Франция
Д. Франческа Вирдис, Кальяри, Италия
Т. Вюни, Пассау, Германия
С. Гартон, Астон, Великобритания
Н. В. Дрожащих, Тюмень, Россия
А. Г. Еманов, Тюмень, Россия
О. В. Зырянов, Екатеринбург, Россия
Р. Кинг, Сан-Диего, США
С. А. Комаров, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Лабунец, Тюмень, Россия
П. Марийо, Тулуза, Франция
А. К. Нефёдкин, Белгород, Россия
Н. П. Парфентьев, Челябинск, Россия
С. С. Пашин, Тюмень, Россия
М. Саббатини, Пиза, Италия
Т. Н. Хомутова, Челябинск, Россия
Э. Хиановска-Ключевска, Краков, Польша
Р. Чая, Торунь, Польша
Е. Н. Эртнер, Тюмень, Россия

ISSN 2411-197X (Print)
ISSN 2500-0896 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Издатель/редакция/типография

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Прием статей

vestnik-humanities-r@utmn.ru
Публикация статей для авторов бесплатна

Журнал распространяется

В открытом доступе <http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>
По подписке Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Editor-in-chief

I. M. Chubarov, Tyumen, Russia

Editorial board

G. I. Bayazitova, Tyumen, Russia
V. M. Kostomarov, Tyumen, Russia
Vyach. S. Kuleshov, Tyumen, Russia
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
N. V. Kuznetsova, Tyumen, Russia
A. A. Medvedev, Tyumen, Russia
E. V. Mikhalkova, Tyumen, Russia
E. V. Novokreshchenykh, Tyumen, Russia
N. S. Chizhov, Tyumen, Russia

Executive Secretary

I. N. Pupysheva, Tyumen, Russia

Editorial council

A. A. Arustamova, Perm, Russia
N. N. Belozeroва, Tyumen, Russia
T. V. Victorova, Strasbourg, France
D. F. Virdis, Cagliari, Italy
T. Wunsch, Passau, Germany
S. Garton, Aston, UK
N. V. Drozhashchikh, Tyumen, Russia
A. G. Yemanov, Tyumen, Russia
O. V. Zyryanov, Yekaterinburg, Russia
R. King, San Diego, USA
S. A. Komarov, Tyumen, Russia
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
N. V. Labunets, Tyumen, Russia
P. Marillaud, Toulouse, France
A. K. Nefedkin, Belgorod, Russia
N. P. Parfentiev, Chelyabinsk, Russia
S. S. Pashin, Tyumen, Russia
M. Sabbatini, Pisa, Italy
T. N. Khomutova, Chelyabinsk, Russia
E. Chrzanowska-Kluczevska, Krakow, Poland
R. Czaja, Toruń, Poland
E. N. Ertner, Tyumen, Russia

ISSN 2411-197X (Print)
ISSN 2500-0896 (Online)

Founded by

University of Tyumen

Published, edited and printed by

UTMN-Press
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

For article submission

vestnik-humanities-r@utmn.ru
No publication charges

The journal is distributed

Accessed at <http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>
Subscription to Russian Post catalogue (No. ПIA252)

Содержание

Языкознание

- 6 Арамейские таргумы и повседневная религиозная жизнь
Сидоренко Н. В.
- 26 Признаки процесса зрительного восприятия: лексикографический аспект
Передриенко Т. Ю.

Литературоведение

- 40 Феноменологическая рефлексия заглавия книги стихов
Б. Пастернака «Близнец в тучах»
Барыкин А. В.
- 54 Образ Москвы в книге Наринэ Абгарян «Понаехавшая»
Гриднева Н. А.

История

- 69 Пол Каффи: мореплаватель, бизнесмен, аболиционист
Шумаков А. А.

Contents

Linguistics

- 6 Aramaic targums and daily religious life
Sidorenko, N. V.
- 26 Features of the visual perception process: lexicographic aspect
Peredrienko, T. Yu.

Literature Studies

- 40 Phenomenological aspect of the title of B. Pasternak's
book of poems *The Twin in the Clouds*
Barykin, A. V.
- 54 The image of Moscow in Narine Abgaryan's *The Newcomer*
Gridneva, N. A.

History

- 69 Paul Cuffe: navigator, businessman, abolitionist
Shumakov, A. A.

Арамейские таргумы и повседневная религиозная жизнь

Наталья Владимировна Сидоренко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: nat.vlad.sidorenko@gmail.com

Аннотация. Связь между дошедшими до нас письменными таргумами (переводами Писания на арамейский язык) и устным таргумом, читаемым в синагоге, остается неясной. Согласно раввинистической традиции, таргумы создавались для того, чтобы сделать понятным для простых людей текст Писания, читаемый в синагоге, и, таким образом, таргумы принадлежали к богослужбной сфере жизни. Однако в нашей статье мы показываем, что тексты таргумов были связаны с самыми различными аспектами религиозной повседневности, ведь представления и реалии эпохи создания таргумов (IV–V вв. н. э.) не могли не найти отражения в самих текстах таргумов. В то же время таргумы проникали в повседневную (внебогослужбную) религиозную жизнь. В статье мы останавливаемся на вопросах расхождения письменных нормативных указаний с реально существующими практиками; использования таргумов для самостоятельного обучения либо обучения в «бет мидраш»; места таргумов в переводческой традиции древности, а также традиции комментирования текстов; отражения устной речи в языке таргумов (письменный текст таргумов несет привлекавшие внимание лингвистов следы устного происхождения); использования текстов таргумов на «магических чашах», на которых писались защитные заклятья. Кроме того, мы проводим некоторые типологические параллели между функционированием таргумических текстов, призванных сохранить древнееврейский язык в синагогальном богослужении, и функционированием церковнославянского богослужбного языка в начале XX в.

Ключевые слова: арамеистика, библеистика, богослужбные тексты, комментирование текстов, перевод, раввинистическая традиция, религиозные практики, таргумы

Цитирование: Сидоренко Н. В. 2023. Арамейские таргумы и повседневная религиозная жизнь // Вестник Тюменского государственного университета. Гу-

манитарные исследования. *Humanitates*. Том 9. № 2 (34). С. 6–25. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-6-25>

Поступила 24.01.2023; одобрена 27.02.2023; принята 18.06.2023

Aramaic targums and daily religious life

Natalia V. Sidorenko

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Corresponding author: nat.vlad.sidorenko@gmail.com

Abstract. The connection between the written Targums, which are translations of Sacred Scripture into Aramaic, and the oral Targums used in synagogues is not well understood. Rabbinical tradition suggests that the Targums were written to make Scripture understandable to ordinary people during synagogue readings. However, the article argues that the Targums were also associated with various aspects of daily religious life, reflecting the ideas and realities of the 4th–5th c. CE when they were created. We discuss discrepancies between written rules and real-life practices, individual and communal study of Targums, their place in translation and commentary traditions, and traces of oral speech in their language. We also explore their use in protective spells inscribed on “magic cups.” Finally, we draw typological parallels between Targumic texts and Church Slavonic liturgical language in the early 20th c., both designed to preserve sacred languages in worship.

Keywords: aramaic studies, biblical studies, liturgical texts, commentary on texts, translation, Rabbinical tradition, religious practices, targums

Citation: Sidorenko N. V. (2023). Aramaic targums and daily religious life. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(2), 6–25. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-6-25>

Submitted Jan. 24, 2023; Reviewed Feb. 27, 2023; Accepted Jun. 18, 2023

Введение

В статье мы рассмотрим функционирование религиозного книжного текста и его встраивание в повседневность на примере таргума — арамейского перевода Писания, использовавшегося в синагоге. Тексты таргумов были неразрывно связаны с синагогальным богослужением, однако никакой религиозный текст не существует в изоляции от повседневности. Тексты таргумов также не принадлежали исключительно субботней службе.

Мы хотели бы предложить обзор вопросов, объединенных одной общей темой — проникновение религиозного текста, таргума, предназначавшегося прежде всего для богослужения, — в повседневную религиозную жизнь, и рассмотреть целый ряд вопросов, которые включает в себя тема «таргумы и повседневность».

Наша цель — показать, как через особенности самого текста и особенности его предполагаемого функционирования высвечиваются самые различные аспекты повседневной религиозной жизни — как в древности, так и в наши дни:

- 1) Вопрос соотношения реально существующих практик функционирования религиозных текстов и прескриптивной нормы: как мы покажем ниже, раввинистические указания, касающиеся использования таргумов, с трудом сочетаются с тем, что нам известно о жизни в Палестине соответствующего периода.
- 2) Использование еврейского и/или арамейского текста не только в богослужении, но и при обучении (при индивидуальном либо школьном изучении Писания).
- 3) Изменение жизненных реалий, вызывавших необходимость в переводе-толковании — в форме письменного или устного перевода (комментария, таргума). Таргумы дают нам возможность взглянуть на традицию толкования Писания в древности, причем на традицию, которая была известна большинству людей, посещавших синагогу. Поскольку таргум по определению предназначался для большинства людей, не обучавшихся читать Писание на древнееврейском языке, то текст таргума — тот текст Писания, который был известен простым людям.
- 4) Таргумы как источник сведений о религиозно-социальной реальности своей эпохи, в особенности интересной в контексте изучения Нового Завета, и связанные с таргумами поиски так называемого «языка Иисуса», а также использование текстов таргумов при написании текстов «магических чаш».
- 5) Поскольку для некоторых современных религиозных общин проблема сохранения в употреблении оригинала священного текста (который продолжают использовать даже тогда, когда этот текст перестает быть понятным) остается актуальной до сих пор, оказывается, что мы можем наблюдать за процессом поисков решения этой проблемы в совсем недавнем прошлом. В таких дискуссиях зачастую предполагается, что сохраняющийся в обращении «священный» язык будет «освящать» язык «профанный», т. е. язык повседневности.

Создание таргумов

Арамейский язык распространился по всему Древнему Ближнему Востоку в результате миграционной политики древних империй: Ассирии, Вавилонии и Персии, для функционирования администрации которых необходим был общий язык, *lingua franca*. Со временем арамейский язык заменил древнееврейский в повседневной жизни, в торговле и культуре евреев Палестины. Многие важные тексты, в том числе таргумы, были написаны на арамейском языке, который стал конкурировать с древнееврейским языком и в области религиозной литературы. Исследователи не могут прийти к единому

мнению относительно того, могло ли большинство членов иудейской общины во время службы в синагоге понимать слова еврейской Библии: одни считают, что еврейский язык продолжал активно использоваться, указывая при этом на раввинистическую литературу, созданную на еврейском языке, другие утверждают, что за пределами богослужебной сферы доминировал арамейский язык, а еврейский был забыт:

«многие евреи Галилеи знали основы еврейского языка, в основном для использования в богослужебном контексте, но не владели языком в полной мере... Это значит, что многие из них запоминали молитвы и наиболее употребительные библейские пассажи — и на их основе понимали кое-что из очередного чтения Писания» [Flesher, Chilton, 2011, с. 290; здесь и далее перевод наш — Н. В.].

Основная часть арамейских таргумов относится к раввинистическому периоду¹. Дошедшие до нас рукописи таргумов были созданы в ту же эпоху, что и дошедший до нас масоретский текст (кон. IX — нач. XI в. н.э.). Но едва ли можно сомневаться, что сам текст таргумов гораздо старше этого времени. На основании языка этих текстов самые ранние таргумы: таргум Пятикнижия Онкелоса и таргум Ионафана пророческих книг, — одни исследователи датируют периодом, начинающимся между двумя Иудейскими войнами и заканчивающимся век или чуть более спустя [Joosten, 2016, с. 143], а другие — серединой III в. н. э. [Müller-Kessler, 2001, с. 184]. Самые поздние таргумы датируются VII–VIII вв. н. э. (окончательная редакция Таргума Псевдо-Ионафана) [Flesher, Chilton, 2011, с. x].

Во многих таргумах толкование таргумиста может быть выделено из основного текста, так, чтобы осталась только более или менее дословная передача оригинала (как в таргуме Пятикнижия), в других таргумах это сделать невозможно (например, в таргуме Песни Песней). Сохранившиеся таргумы охватывают всю еврейскую Библию (за исключением книг Даниила, Ездры и Неемии).

Таргумы в историко-филологическом контексте

1. Таргумы и расхождение нормативных установлений и практики

В талмудической литературе мы встретим лишь единичные указания на правила чтения таргумов в ранней синагоге. Однако в случае с таргумами мы имеем дело не просто с недостатком свидетельств — крайне проблематичной оказывается также их интерпретация: являются ли немногочисленные правила, описывающие использование таргумов, прескриптивными или дескриптивными и в какой степени они соответствуют реальным практикам синагоги (которые к тому же неизбежно должны были варьироваться от региона к региону и меняться со временем)?

Согласно раввинистическим указаниям, таргум следовало использовать следующим образом: читающий Писание чтец стоял на помосте (*бима*); рядом с ним стоял переводчик (*метургеман*). Чтец читал по-еврейски из лежащего перед ним свитка либо один

¹ Не считая тексты «таргумов» книг Левит (4QTgLev) и Иова (4QTgJob, 11QtgJob), найденных в Кумране: «Из понятия «таргум» можно исключить ряд текстов, часто описываемых как «таргумы» или имеющих таргумические черты» [Фомичёва, Битнер, 2022, с. 456].

стих (если читалась Тора), либо три стиха (если читались Пророки, *гафтара*), и останавливался. Затем переводчик-*метургеман* приступал к устному переводу стихов; было категорически запрещено читать перевод со свитка (Тосефта, Мегилла 4.4¹).

Однако уровень грамотности мужского населения в Палестине дораввинистического периода был, вероятно, около трех процентов [Flesher, Chilton, 2011, с. 290]. Спонтанный устный перевод с еврейского языка требовал бы высокого уровня образования, и не всегда в собрании находился человек, который мог бы выполнить устный перевод (ср. Иерусалимский талмуд, Мегилла 4.3, 87–88), так что, возможно, перевод в целом не являлся обязательным, а отсутствие перевода не делало богослужбное чтение «недействительным» [Smelik, 2007, с. 137].

С другой стороны, то, как переводчики таргума пытаются слово за словом следовать за оригиналом, может указывать на то, что собрание, для которого предназначался перевод, все-таки отчасти понимало еврейский текст и могло следить за переводом: показательно, что греческий перевод Септуагинты не ориентируется на пословный перевод еврейского текста.

Кроме того, согласно прескриптивным нормам, арамейских таргумов в письменном виде вообще не должно было существовать. И при этом раввинистические источники (ср. Мишна, Мегилла 1.8) считают существование письменных переводов чем-то само собой разумеющимся. Также в Мишне тексты переводов могут как приравниваться к текстам Писания на еврейском (в Мишна, Шаббат 16.1 они упоминаются в связи с правилами помещения текстов в генизу), так и противопоставляться им (Мишна, Ядаим 4.5) [Smelik, 2007, с. 137]. Тосефта и Иерусалимский Талмуд прямо уравнивают их в ритуальном отношении с текстами Писания [см. Smelik, 1999, с. 260–267].

Таким образом оказывается, что известные нам раввинистические указания, касающиеся чтения арамейского таргума, являются скорее предписывающими, прескриптивными, а не дескриптивными. Они объясняют, как следует поступать, и были сформулированы в качестве ответа на реальные практики, известные раввинам. Некоторые синагоги, возможно, следовали этим правилам, а другие — нет [Flesher, Chilton, 2011, с. 5]. Вопрос использования таргумов в синагоге является примером расхождения нормативных указаний и практики, — феномена, встречающегося исследователю там, где какое-либо поведение задано письменными нормами.

2. Таргумы и их использование в обучении

К средневековой еврейской экзегетической традиции восходит традиционная точка зрения, согласно которой таргумы создавались как литургический текст, предназначенный для малообразованных слушателей [Фомичёва, Битнер, 2022, с. 456], однако современные исследования, посвященные использованию таргумов в обучении, поставили эти традиционные представления под сомнение.

У нас почти нет информации о происхождении таргумов и первоначальных намерениях их переводчиков и редакторов, поэтому вопрос о том, создавались ли когда-либо таргумы для личного пользования, возник в научной литературе не сразу. Первым

¹ Здесь и далее ссылки на раввинистические источники (Мишна, Тосефта, Талмуд и др.) даются по электронному ресурсу Sefaria.org.

образовательной функцией таргумов заинтересовался в 1979 году Энтони Йорк (перечисление основных работ, посвященных этому вопросу, см. в [Edwards, 2007, с. 6]). Взгляды раввинов на этот вопрос исследовал Стивен Фрааде [Fraade, 1992]; он указал, что таргум занимал промежуточное положение между Писанием и учением раввинов. Стивен Файн в статье, вышедшей в 2002 году, рассматривает таргум Пятикнижия, и полностью поддерживает выводы Йорка [Fine, 2002, с. 90].

В раввинистической литературе содержится совсем немного информации об использовании таргумов в богослужении, а информации об их использовании в обучении почти нет [Flesher, Chilton, 2011, с. 322]. В мидрашах таннаитского периода есть всего два отрывка, в которых содержится свидетельство использования таргумов в обучении. Первый из них связывает с «изучением таргума» чтение и перевод еженедельного отрывка из Торы при подготовке к субботнему богослужению (окончание толкования на Лев 10:10-11. *Сифра Шмини* 1 (100)). Во втором говорится, в каком порядке следует изучать важнейшие тексты: начинать с Писания, затем переходить к таргуму, к мишне и т. д. (*Сифре Дварим*, 161). Таргумы здесь стоят на втором месте; после прохождения всех уровней изучение переходит на новый виток [Flesher, Chilton, 2011, с. 320]. Подобный недостаток свидетельств заставляет авторов «Критического введения в таргумы» отстаивать традиционную точку зрения и делать вывод о том, что на вопрос об использовании таргумов в обучении должен следовать отрицательный ответ [Flesher, Chilton, 2011, с. 324].

Однако исследователи таргумов на книги Писаний считают иначе. Так, Тимоти Эдвардс указывает на то, что, например, книгу Псалмов никогда не читали во время общественных богослужений, и, таким образом, «таргумы Псалмов не имели контекста, в который их можно было бы поместить» [Edwards, 2007, с. 7]. Он указывает на то, что использование таргумов совместно с еврейским текстом в некоторых случаях позволяло отступать от буквы оригинала, а также позволяло использовать их в образовательных целях. Такие выводы позволяют найти единственный возможный контекст существования таргумов книг, не имеющих богослужебной функции: сам факт их существования «четко указывает на образовательный контекст существования всех таргумов, возможно, даже на то, что это была их основная и первоначальная функция» [Edwards, 2007, с. 8]. Филип Александер во введении к исследованию таргума Песни Песней менее категоричен, но также замечает: «Трудно сказать, был ли он изначально составлен для публичного или частного использования... Он мог предназначаться для частного использования и лишь затем стал использоваться при общественном богослужении» [Alexander, 1989, с. 131]. В пользу этой точки зрения говорит то, что таргумы продолжали циркулировать среди людей, которые хотя бы немного, а иногда и хорошо знали еврейский язык, а также то, что «официальные» таргумы продолжали использоваться даже тогда, когда арамейский уже больше не был разговорным языком.

Текст таргумов, таким образом, не функционировал исключительно в религиозном контексте, а был также введен в повседневные религиозно-образовательные практики, — а значит, известные нам практики использования таргумов стоит учитывать при изучении вопросов образования в древности, в частности, использования перевода в изучении библейского текста, а также при изучении разницы в восприятии такого текста, как таргум, людьми с различным уровнем образования.

3. Таргумы и переводческая традиция древности

Важным вопросом, связанным с изучением таргумов, является вопрос соотношения еврейского оригинала библейских книг и арамейского текста таргумов. Одни исследователи делают акцент на рассмотрении особенностей таргумов в контексте древних переводов, другие — в контексте древних комментариев. Третьи предлагают выделять таргумы в отдельную категорию как особый тип текста и перечисляют критерии отношения того или иного текста к этому жанру.

а. Таргум как перевод. В раввинистических текстах отсутствует подробное обсуждение языковых особенностей таргумов, принципов перевода или деятельности переводчиков, что даже позволяет называть изучение таргумов «теоретизированием в отсутствие теории» [Lasair, 2009]. Все немногочисленные упоминания таргумов или переводов в корпусе раввинистической литературы сосчитаны: их восемь в Мишне, двенадцать в Тосефте, восемнадцать в Палестинском талмуде, двадцать девять в Вавилонском талмуде (в основном в трактате Мегилла) [Flesher, Chilton, 2011, с. 285–286]¹. Из-за недостатка информации очень часто исследователи таргумов собирают вместе свидетельства всех этих источников, написанных в разные периоды и в отдаленных друг от друга географических местах.

Согласно раввинистической традиции, первоначальная цель переводчиков Писания на арамейский язык состояла в том, чтобы сделать текст понятным, переведя его на местный язык [Flesher, Chilton, 2011, с. 11]. Однако из-за того, что не сохранилось никаких указаний на принципы таргумического перевода, исследователям приходится выводить эти правила из самих текстов таргумов. По мере вхождения таргумов в научный оборот в XIX — середине XX в. сперва пришло понимание того, что таргумический перевод отличен от привычных нам переводов. Высказывались предположения, что техника перевода таргумов вообще характерна для переводов древности. Так, Жозеп Рибера писал:

«проблема состоит в том числе и в том, чтобы выяснить, как в древности люди понимали перевод священного текста, подобного Библии... Их верность языку оригинала состоит главным образом в том, чтобы сделать священный текст как можно более понятным для людей, чья социальная, культурная и языковая среда отличалась от той, в которой была написана Библия. По этой причине всякий перевод тяготел к толкованию» [Ribera, 1994, с. 218].

Некоторые исследователи предлагали рассматривать таргумы как частный случай устного перевода в ближневосточной культуре, — практики, свидетельства о которой крайне скудны, но которая тем не менее должна была составлять важную часть дипломатических и торговых отношений в древности, — пример проникновения одной из повседневных практик в религиозную жизнь. Кроме того, то, что предполагаемый устный перевод в конечном итоге был оформлен в письменном виде, само по себе является важным шагом. Мы не знаем, в какой момент таргумический перевод претерпел значительное расширение и развитие. Но даже письменный текст таргумов несет следы их устного происхождения.

¹ В Палестине составлены: Мишна (ок. 200 г. н. э.), Тосефта (ок. 250 г. н. э.), Палестинский талмуд (между 400 и 450 г. н. э.). Вавилонский талмуд составлен в Вавилоне ок. 600 г. н. э.

Филипп Александер отмечает:

«Таргум представляет собой интересный ранний случай спонтанного устного перевода, которому трудно найти параллели в древности. Есть основания предполагать, что спонтанный устный перевод использовался в области дипломатии; слово *таргум*... относилось к переводу в дипломатическом контексте» [Alexander, 1989, с. 119].

Однако следует помнить, что связь между дошедшими до нас письменными таргумами и устным таргумом, читаемым в синагоге, остается неясной: по крайней мере, известные нам тексты не могут быть просто стенограммами устного перевода. Имеющиеся у нас свидетельства (ср., например, Вавилонский талмуд, Мегилла 32а), не дают возможности сказать наверняка, идет ли речь о спонтанном переводе, или «переводчик» рецитировал заученный заранее текст.

Таргумы остались уникальным явлением в истории переводов Писания при том, что вопрос точности и полноты переводов священных текстов, а также их толкования никогда не терял своей актуальности.

б. Таргум как комментарий. В то же время исследователи обратили внимание на другую функцию арамейских таргумов — то, что их создатели, по-видимому, быстро поняли, что таргумы могут выполнять еще одну важную роль в качестве своего рода комментария к Писанию, которое было канонизировано и больше не могло изменяться, чтобы соответствовать меняющимся историческим обстоятельствам [Grohmann, 2005, с. 251; Samely, 2007, с. 78]. Одновременно Таргум мог ограничить возможности толкования: текст таргума становился единственно приемлемым и авторитетным толкованием. Изменения, внесенные таргумистом в текст, позволяют нам проследить, какие значения библейского текста были наиболее актуальными в эпоху создания таргумов, какие переводческие решения принимались, какое толкование принималось за нормативное.

Хотя таргумы не были Писанием, но они стали «смыслом текстов Писания» для общин своего времени:

«публичное чтение арамейского перевода было связано с жизнью *бет кнессет*, синагоги, а не *бет мидраш*, «дома обучения». По этой причине они являются окном в верования и богословие обычных, не самых высокообразованных евреев» [Flesher, Chilton, 2011, с. ix].

Образованные люди, конечно, читали еврейский текст, но их было меньшинство, и даже они иногда обращались к таргумам за толкованием: так, Рав Йосеф говорит о стихе из пророка Захарии 12:11: «Если бы не таргум на этот стих, я бы не знал, что он значит» (Вавилонский талмуд, Мегилла 3а) [Flesher, Chilton, 2011, с. 326]. Следовательно, изучение таргумов может помочь понять то, как в эпоху их создания толковали Писание; в этом отношении не имеет значения, использовались ли эти тексты для обучения или исключительно в богослужении, читались ли эти тексты, вопреки прямому запрету, вслух или же их просто использовали для подготовки устного перевода, воспроизводимого затем по памяти¹.

¹ Отметим, что, помимо давно признанной ценности таргумов для истории религиозной мысли и библейской экзегезы, изменения, внесенные таргумистом в текст, могут иметь значение и для изучения истории повседневности, в том числе и в случае изменений, связанных с тем, что слова, обозначающие исчезнувшие реалии, переставали быть понятными слушателям.

в. *Таргум как особый тип текста*. В более поздних исследованиях арамейские таргумы стали выделять среди всех древних переводов как совершенно специальный тип текста, отличный как от обычного перевода, так и от комментированных или толковых переводов. Брюс Чилтон и Пол Флешер в своем «Критическом введении в таргумы» выделяют два главных «правила таргумов»:

- 1) «когда таргум переводит или представляет текст оригинала, используется буквальный перевод»;
- 2) «когда таргум включает в перевод новый материал, это делается так, чтобы не изменить окружающего вставку текста» [Flesher, Chilton, 2011, 2011, с. 40].

Важной особенностью письменных таргумов, которую отмечают современные исследователи, является то, что они никогда не предназначались для использования в качестве независимой версии Писания, в отличие от любых других известных типов переводов [Edwards, 2007, с. 5]. Будь то публично или в частном порядке, арамейский перевод всегда читался вместе с Писанием.

В рукописях еврейский оригинал помещался либо рядом с арамейским текстом, либо в сокращенном виде (только начало стиха), так что в рукописях текст таргума не представлял собой сплошной арамейский текст, как в современных изданиях. Расположенный рядом с оригиналом перевод неизбежно отличается по своему характеру от традиционного перевода (предназначенного для чтения по-отдельности), поскольку между переводом и оригиналом происходит своего рода диалог. Тимоти Эдвардс пишет:

«Ни один таргум, я убежден, не предназначался для того, чтобы его читали или слушали отдельно от еврейского текста... без еврейского текста они теряют свой *raison d'être*. Поэтому любое исследование таргумов должно проводиться в связи с еврейским текстом, и необходимо всегда тщательно исследовать перевод, чтобы не приписать таргуму идеи и представления, являющиеся всего лишь арамейской передачей идей и представлений еврейского оригинала» [Edwards, 2007, с. 21].

В то же время можно утверждать, что переводчик, как правило, в основном понимал текст оригинала; насколько точно — необходимо определять в каждом конкретном случае, как указывает М. МакНамара:

«Еврейский текст не был для переводчика всего лишь канвой для его собственных теорий. Справедливости ради надо сказать, что в Палестинских таргумах мы имеем по большей части более или менее буквальную и достоверную передачу еврейского текста, в который добавлено и вплетено множество парафразов. Таргумисты, конечно, очень часто переводили текст не так, как бы сейчас перевели мы, поскольку мы сейчас лучше понимаем еврейский текст» [McNamara, 1992, с. 30].

Таким образом, изучая арамейские таргумы, мы сталкиваемся с вопросами соотношения верности букве текста и как можно более полной передачи его смысла; с изменениями, которые привносит перевод в смысл оригинального текста, как сознательными, так и обусловленными современным переводчику состоянием экзегезы и понимания языка оригинала; с толкованием текста в изменившихся обстоятельствах и комментированием ушедших реалий; а также касаемся вопроса понимания функций и техники перевода в древности.

4. Использование цитат из таргумов в религиозном (повседневном) контексте

а. Таргумы, религиозно-социальный контекст эпохи и «язык Иисуса». Таргумы позволяют нам лучше понять религиозный и социальный контекст своей эпохи: они являются «богатым источником для понимания того типа раннего иудаизма, в котором встречались народная и 'экспертная' (т. е. раввинистическая) грани религии» [Flesher, Chilton, 2011, с. 386]. По этой причине таргумы привлекают внимание исследователей Нового Завета, поскольку, хотя сходства между таргумами и новозаветными текстами не означают зависимость одного корпуса письменных текстов от другого, невозможно отрицать то, что между ними существуют параллели — от схожих толкований и тем до буквальных совпадений.

Так, восклицание женщины в Лк. 11:27 «блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие»¹ имеет параллели в Таргуме Неофити Быт. 49:25: «Благословенна грудь, которую ты сосал, и утроба, в которой ты лежал»² (ср. Берешит Рабба на стих 49:25), — это выражение могло бытовать в еврейской традиции или даже использовалось в качестве поговорки [McNamara, 1966, с. 130].

В 2 Тим. 3:8 Павел упоминает «Ианния и Иамврия», противников Моисея. В еврейской Библии эти имена не упоминаются. Ориген (Комм. на Матфея 27:8) думал, что Павел взял их имена из неизвестной апокрифической книги. Однако в таргумах они трижды упоминаются как противники Моисея: дважды в книге Исхода и один раз в книге Чисел³. Авторы «Критического введения» к Таргумам подчеркивают:

«Если мы не считаем, что 2 Тим. повлияло на таргум Псевдо-Ионафана, то сходство этих текстов склоняет к мнению, что имена этих двух волхвов не появляются впервые в 2 Тим., а взяты из современной Павлу традиции, существовавшей на греческом и, возможно, арамейском языках» [Flesher, Chilton, 2011, с. 394].

С предполагаемой устной основой текста таргумов связана тема поисков так называемого «языка Иисуса». Мартин МакНамара отмечает:

«Когда задают вопрос „на каком диалекте арамейского говорил Иисус?“, то обычно хотят определить языковое окружение, в котором жил и действовал Иисус, а это был мир устной речи» [McNamara, 1992, с. 14].

А значит, перед исследователем сразу же встает методологический вопрос: мы имеем только свидетельства письменных источников.

В середине XX в. арамейский язык Палестинского таргума прямо называли языком Иисуса, особенно на этом настаивал Пауль Кале [Kahle, 1948]. Затем эту точку зрения оспорил Эдвард Кучер [Kutscher, 1960]. Изучение арамейских текстов Кумрана показало, что кумранский арамейский является литературным языком периода, предшествовав-

¹ Здесь и далее цитаты из Библии приведены в русском Синодальном переводе [Библия, 1876].

² Цит. по [McNamara, 1992].

³ В таргуме Псевдо-Ионафана (Исх.1:15, 7:11-12; Числ. 22:22). Подробный анализ традиции «Ианния и Иамврия» см. [Osawa, 2011/12].

шего уничтожению еврейских школ во время восстания Бар-Кохбы (135 г. н. э.), языком, не слишком отличающимся от разговорного языка; предполагается, что любой текст, написанный до 135 г. н. э., был написан на этом языке, и, следовательно, таргумы, написанные на галилейском арамейском, были написаны как минимум позже 135 г. [McNamara, 1992, с. 14]. В то же время Стивен Кауфман, подчеркивая, что язык Палестинского таргума не может быть ничем иным, кроме как литературным языком Палестины времен амораев, отмечает, что, поскольку письменный язык почти всегда отражает разговорный язык более раннего периода, то язык Палестинского таргума остается нашим лучшим ориентиром в поиске разговорного диалекта Галилеи I в. н. э. [Kaufman, 1985].

Таким образом, поиски арамейского «диалекта Иисуса» неизбежно привели к попыткам «извлечь устное из письменного» [Fraade, 1992, с. 280; Wilcox, 1994] и в конце концов к выводу, что в отличие от, например, жанра личных писем, арамейский перевод Писания использует более формальный, более далекий от разговорного диалекта язык.

б. Таргумы и «магические чаши». Тексты таргума проникли в повседневную религиозность (в бытовые магические практики) в виде текстов так называемых «магических чаш», на которых писались защитные заклинания. «Магические чаши» находят на территории современных Ирака и Ирана (Верхняя Месопотамия, Сирия, VI–VIII вв. н. э.). Заклинание писали внутри чаши по спирали от центра к краю. Такую чашу, служившую «ловушкой» для демона, закапывали в землю в перевернутом положении под порогом, во дворе, в углу дома, где недавно кто-то умер, или на кладбище. Именно в текстах чаш мы находим древнейшие свидетельства текста таргума. Например, цитаты из таргума на пророков (Таргум Ионатана), тексты Иер. 2:1–2 и Иез. 21:23, были найдены на магической чаше из Ниппура, датированной между 350 и 500 г. н. э. [Flesher, Chilton, 2011, с. 207]¹.

Иногда текст чаши является не цитатой, а парафразом текста таргума, как, например, на чаше MS 1928/39:7–8 из Собрания Скёйена, Schøyen Collection: «Ибо они говорят себе: „Нет Бога на небесах, и мы пойдем и нападём на людей, чтобы совратить и покорить их“» (Ср. Пс. 52:2 и Пс. 13:1). Аллюзия на текст таргума Онкелоса Втор. 28:65 (см. также таргум Лев. 26:16) прослеживается в надписи чаши MS 1929/7:7–8: «колдовство злой женщины, которая затемняет глаза и вызывает изнеможение души». В Таргуме говорится: «и среди тех народов ты не найдешь покоя, и не будет места для отдыха стопам твоих ног. Господь даст тебе там тревожное сердце и темноту глаз и изнеможение души» [Shaked, 2013, с. 20].

Такое использование текста вряд ли могло входить в замысел его создателей, переводчиков и редакторов таргумов, однако оно, с одной стороны, свидетельствует о том, что соответствующие тексты таргумов были известны создателям чаш (так, Даниэль Уоллер указывает, что писцы-создатели текстов для «магических чаш» были знакомы с широким диапазоном иудейских религиозных текстов [Waller, 2020]), и, с другой стороны, приоткрывает перед нами такую грань повседневной религиозности своей эпохи, как бытовые магические практики. Примеры использования различных религиозных текстов в магических целях известны и в наше время (ладанки с текстом Псалма 90 и подобные объекты).

¹ Находка была опубликована в С. А. Кауфманом [Kaufman, 1973].

5. Таргумы и вопрос сохранения языка богослужения

Тексты таргумов предлагают одно из решений проблемы сохранения в употреблении священного текста, который, с одной стороны, перестали полностью понимать не получившие специального образования члены религиозной общины, и который, с другой стороны, был написан на языке, который является близкородственным языку, на котором говорят члены общины в повседневной жизни, — проблемы, которая, как мы покажем, остается актуальной для некоторых религиозных общин и в наши дни.

Именно с такой ситуацией столкнулись иудейские общины в Палестине и диаспоре. Как указывает Виллем Смелик [Smelik, 2007, с. 123–124], условия жизни и историческое развитие в различных областях позднеантичной Палестины существенно отличались: от побережья и эллинистических городов и до Иерусалима, Идумеи, Верхней и Нижней Галилеи и Голана. Также не была единообразной языковая ситуация: греческий, арамейский и еврейский использовались в различных сочетаниях и людьми, в различной степени владеющими этими языками.

В Мишне прямо позволяют переводы Писания на любой язык (например, Мишна Сота 7:5), но в Палестинском талмуде единственным дозволенным языком перевода называется греческий (Иерусалимский талмуд, Мегилла 71с), а в Вавилонском талмуде эта позиция становится галахой (Вавилонский талмуд, Мегилла 9а) [Flesher, Chilton, 2011, с. 310]¹. В Тосефте (Мегилла 3(4).13) говорится, что если в собрании никто не может прочесть текст по-еврейски (что было более вероятной ситуацией в грекоязычной синагоге), то позволительно сразу читать перевод.

Такая ситуация, при которой «иноплеменникам» позволительно иметь собственный перевод (или переводы) Писания и пользоваться им(и) в отрыве от оригинала, напоминает дискуссии вокруг языка богослужения, развернувшиеся в Российской империи в середине XIX — начале XX в. Если в XVI–XVII вв. в связи с текстом богослужений поднимались вопросы текстологического характера (соответствие славянских книг греческому оригиналу), то в середине XIX в. в церковной печати стали активно обсуждаться вопросы семантики («вопрос понятности церковнославянских текстов для прихожан православных храмов» [Плетнева, Кравецкий, 2001, с. 42]).

Итогом споров (о них подробно см. [Плетнева, Кравецкий, 2001, с. 40–52, 158]) и компромиссным вариантом для сторон, придерживавшихся различных мнений, стал Проект соборного деяния Поместного собора 1918 года, подготовленного Отделом о богослужении, проповедничестве и храме:

«1. Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.

¹ Одновременно в Вавилонском талмуде используются арамейские переводы, соотносимые с текстом Таргумов Онкелоса и Ионатана, а раввины исходят из предпосылки, что арамейский перевод, произносимый в синагоге, заучивается наизусть с письменного перевода [Flesher, Chilton, 2011, с. 323]. Мы не знаем, почему нельзя было просто сделать так, чтобы галаха и практика совпадали.

2. В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются права общерусского и малороссийского языков для богослужебного употребления. <...>

6. Святое Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском или малороссийском» [цит. по Плетнева, Кравецкий, 2001, с. 158].

Как видим, в Проекте, во-первых, подчеркивалась особая ценность славянского языка в богослужении, а во-вторых, предлагалось отчасти похожее на таргумы решение проблемы. Разумеется, полностью дублировать все богослужение на двух языках невозможно, и потому сохранение славянского языка было зарезервировано за одним только Евангелием: предполагалось чтение славянского текста (который отчасти воспринимался как аналог «оригинального» текста Писания¹), а после него — перевода (после чего должна была следовать проповедь, т. е. истолкование текста или непонятных мест в нем). Отметим также, что Проектом не предполагалось «антифонное» чтения стихов оригинала и перевода; при схожем религиозном отношении к тексту Писания, всё же в начале XX в. уже никому не казалось странным то, что перевод читается по книге, и ни у кого не возникало опасений, что слушающие могут «спутать» оригинал и перевод.

Разумеется, такую практику соположения славянского и русского переводов священного текста никак нельзя назвать «таргумической»², поскольку прояснение исторического контекста и богословское толкование текста оказываются вынесены в проповедь (при богослужебном чтении) или в комментарий (в книге). Однако проблема сохранения в употреблении славянского текста при обеспечении его понятности типологически близка к описанной выше ситуации, в которой оказались иудейские общины.

Мы не ставим своей целью подробную разработку данного вопроса, так как это потребовало бы углубления в исследования реальных практик параллельного функционирования славянского и русского текстов, однако мы можем выделить некоторые сходства и различия с различными аспектами истории и функционирования таргумов, затронутым нами ранее в статье:

¹ Приведем лишь один пример: в 1918 г. епископ Сильвестр (Ольшевский), активно выступавший против перевода богослужения на русский язык, называл церковнославянский язык «священным» в одном ряду с санскритом, греческим и латинским, а также указывал на то, что Христос хоть и проповедовал на арамейском языке, однако молился в храме и дома на языке «библейских писателей» (Давида, Моисея и других), эксплицируя оппозицию еврейский : арамейский = славянский : русский. Изложение доклада епископа Омского и Павлодарского Сильвестра (Ольшевского) на 42-м заседании Отдела «О богослужении, проповедничестве и храме» Поместного собора (23 июля/5 августа 1918 г.) приведено в [Кравецкий, 1998, с. 263].

² Так как таргум — это «перевод, который сочетает буквальную передачу текста оригинала с дополнительными материалами, введенным в перевод так, что они не нарушают изначальную структуру текста» [Fletcher, Chilton, 2011, с. 22]. Хотелось бы, однако, обратить внимание на то, что, хотя Пол Флешер предлагает рассматривать как тип «современного таргума» современные интерпретации Писания (в т. ч. кинематографические) [Fletcher, Chilton, 2011, с. 487–489], они функционируют во внебогослужебном контексте и, очевидно, полностью оторваны от текста оригинала.

1) Расхождение предписанной нормы и практики.

О расхождении нормы и практики употребления русского языка в богослужении Российской православной церкви свидетельствуют многочисленные запреты на его употребление. Так, в «Образце рапорта благочинному», помещенном в «Церковном письмоводстве», приведена следующая фраза:

«Служба Божия совершалась с должным благоговением по уставу; чтение и пение производилось внятно и неспешно, без употребления, согласно указу св. Синода от 28 марта 1862 г. слов русского наречия» [Чижевский, 1881, с. 351].

Поиск решений «снизу» велся Предсоборным присутствием, затем была проведена попытка формализации (подготовка Проекта, фрагмент из которого был приведен нами выше); поскольку Проект так и не был принят собором, в последующей церковной практике не установилось единообразия, что вызвало необходимость новых директив о запрете русского языка в богослужении (например, Обращение патриарха Тихона в 1921 г. и Указ Патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) в 1921 г. [Плетнева, Кравецкий, 2001, с. 312–317]).

2) Использование в обучении и для личного чтения.

Первый перевод Писания на русский язык задумывался в 1816 г. именно как «параллельное» издание славянского и русского текстов в два столбца, предназначенное исключительно для домашнего чтения, причем «само собою разумеется, что церковное употребление славянского текста долженствует остаться неприкосновенным» [Чистович, 1899, с. 25–26]. Говоря о «вспомогательном» характере этого перевода, А. А. Алексеев вспоминает именно таргумы: «первый русский перевод с самого начала был задуман как таргум» [Алексеев, 2002, с. 12]. Лишь по соображениям прагматического характера (дороговизна, неудобство печатания, неудобный формат издания) в 1823 г. русский перевод был издан отдельно от славянского текста. Однако в дальнейшем все же получили распространение и «параллельные» тексты — как Писания, так и собственно тексты богослужений, предназначенные для домашнего чтения и изучения церковнославянского языка. Интересно, что в данном случае практика частного чтения перевода предшествовала проникновению перевода в общественное богослужение.

3) Вопрос сохранения буквы оригинала при достижении понятности текста.

В случае с русским переводом Писания толкование, очевидно, не было введено в перевод. Интересно то, что противниками использования русского языка в богослужении в начале XX в. именно недостаточность перевода для понимания текста приводилась в качестве аргумента против русификации богослужения:

«Чтобы понимать ясно и определенно любую поэтическую речь, для этого недостаточно знания обыденного русского языка; необходимо известное образование, известная подготовка, знание... необходимо общее и богословское образование, обширная начитанность...»¹ [цит. по Плетнева, Кравецкий, 2001, с. 55].

¹ Покровский Н. 1906. О богослужбном языке Русской Православной церкви // Церковный вестник. № 16.

Возможно, отступая в букве перевода от оригинала, создатели таргумов именно так смотрели на вопрос понимания письменного текста большей частью участников богослужения («обширная начитанность» и «богословское образование» не слишком широко распространены и в наши дни).

4) Русский перевод и религиозная повседневность.

В контексте выбора языка богослужения многих участников дискуссии интересовало прежде всего влияние славянского языка на русский. «Облагораживающему» влиянию славянского языка в русский предавалось особое значение:

«Не трудно видеть, что... самое важное религиозное преимущество славянского языка покоится на некоторых эстетических его ценностях как средства художественной магии. <...> Этот язык для нас — источник живой, вдохновляющей поэзии. Он постоянно обогащает, оплодотворяет язык русский» [Федотов, 1938, с. 4].

Исследования библеизмов в русском языке вообще и в русской литературе в частности продолжают. Так же и исследователей таргумов интересует вопрос влияния еврейского языка на арамейский язык таргумов, отличавшийся, как мы отмечали выше, от разговорного языка своей эпохи.

Заканчивая рассмотрение вопроса о сохранении церковнославянского языка в богослужении, отметим, что, по наблюдениям автора статьи, спустя более чем сто лет после появления процитированного выше Проекта соборного деяния, реальная практика богослужений в Русской православной церкви остается весьма разнообразной, и, в числе прочих, включает вариант последовательного чтения славянского и русского текстов за богослужением, а параллельные издания славянского и русского текстов Писания продолжают переиздаваться и пользуются определенным спросом. Таким образом оказывается, что как в богослужбном, так и в повседневном контексте спектр реально существующих практик функционирования библейского перевода зависит от конкретных условий, сложившихся в данной общине в данный момент времени, от наличия как самого перевода, так и его доступных изданий, от отношения к переводу как главы общины, так и ее рядовых членов. Рассматривая хорошо задокументированную проблему славянского и русского языка в богослужении во всей ее сложности и неоднозначности, можно хотя бы отчасти представить разнообразие реальных практик, стоявших за несколькими краткими описаниями функционирования текстов таргумов.

Заключение

Хотя таргумы и принадлежали в основном к *бет кнессет* и *бет мидраш* (в какой степени к каждому из них — вопрос дискуссионный), это не означает, что они не подвергались влиянию религиозной повседневности и, в свою очередь, никак не влияли на нее; текст, тем более тот, что был специально создан на понятном языке, близком к устной речи, не может существовать только лишь в богослужении или в школе, в замкнутом пространстве.

С одной стороны, повседневная жизнь влияла на текст и традицию использования таргумов: устная речь влияла на язык, на котором они написаны; практики устного пере-

вода проникали в богослужение; переводчикам и редакторам таргумов было необходимо сделать понятными для своих современников исчезнувшие культурные и исторические реалии. Заложенное в таргумах понимание Писания было доступно широкому кругу слушателей, о чем свидетельствует общая с Новым Заветом традиция понимания Писания. Тексты таргумов использовались в бытовой магии («магические чаши»).

Изучение отличий таргума от текста оригинала позволяет нам понять, какие именно повседневные реалии и религиозные представления изменились в период между созданием этих двух текстов (как именно при переводе изменялся или дополнялся текст оригинала), — поскольку любой письменный текст, в том числе и священный, отражает реалии, понятия и представления, современные его автору; после письменной фиксации текст остается неизменным, в то время как в повседневной жизни происходят изменения, так что между текстом оригинала и его читателями (или слушателями) увеличивается не только языковая, но также историческая и культурная дистанция.

Изучение текстов таргумов ведет к обсуждению не теряющих актуальности проблем, тесно связанных с религиозной практикой. Это — вопрос соотношения «предписанного», «желательного» с «возможным» и «реальным»; вопрос соотношения перевода и оригинала, буквы и смысла; вопрос комментирования и понимания текста в контексте современных реалий и сохранения смыслов, закладывавшихся в текст его авторами; вопрос сохранения оригинала текста в употреблении общиной.

Таким образом, тексты таргумов, их язык и история, вопросы их функционирования позволяют поднять целый ряд актуальных вопросов и взглянуть под разными углами на вопрос соотношения и связи таргума — религиозного текста, перевода Писания, с повседневной религиозной жизнью как в древности, так и в наши дни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алексеев А. А. 2002. Первый русский перевод Нового Завета в издании 1823 года // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков / отв. ред. А. Н. Смирнов. М.: Институт славяноведения РАН. С. 7–38.
- Библия. 1876. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод.
- Кравецкий А. Г. (предисл., подгот. текста, публ.) 1998. Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов Отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. Сб. 34. С. 201–388.
- Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. 2001. История церковнославянского языка в России (конец XIX — начало XX в.). М.: Языки русской культуры. 400 с.
- Федотов Г. П. 1938. Славянский или русский язык в богослужении // Путь. № 57. С. 3–28.
- Фомичёва С. В., Битнер К. А. 2022. Таргумы // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». Т. LXVII. С. 456–470.
- Чижевский И. Л. 1881. Церковное писмоводство. Харьков: Типо-литография Окружного штаба.
- Чистович И. А. 1899. История перевода Библии на русский язык. СПб.: Типография Стасюлевича.

- Alexander Ph. S. 1989. The Aramaic Version of the Song of Songs // Documents, études et répertoires de l'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes Année. № 42. P. 119–131.
- Edwards Th. 2007. Exegesis in the Targum of Psalms: The Old, the New, and the Rewritten (Gorgias Biblical Studies. Vol. 28). Gorgias Press.
- Fine S. 2002. 'Their Faces Shine with the Brightness of the Firmament'. Study Houses and Synagogues in the Targumim to the Pentateuch // Biblical Translation in Context Bethesda / F. W. Knobloch (ed.). University Press of Maryland. Pp. 63–92.
- Flesher P., Chilton B. 2011. The Targums: a critical introduction. Leiden, Boston: Brill. 575 pp.
- Fraade S. 1992. Rabbinic Views on the Practice of Targum, and Multilingualism in the Jewish Galilee of the Third–Sixth Centuries // The Galilee in Late Antiquity / L. Levine (ed.). New York and Jerusalem: Jewish Theological Seminary of America. Pp. 253–286.
- Grohmann M. 2005. "The Word is very near to you!" (Deut 30:14). Reader-Oriented Intertextuality in Jewish and Christian Hermeneutics // Old Testament Essays. No. 18. Pp. 240–252.
- Joosten J. 2016. How Old is the Targumic Tradition? Traces of the Jewish Targum in the Second Temple Period, and Vice Versa // The Text of the Hebrew Bible and Its Editions. Studies in Celebration of the Fifth Centennial of the Complutensian Polyglot / A. P. Otero, P. T. Morales (eds.). Leiden: Brill. Pp. 143–159.
- Kahle P. 1948. Das zur Zeit Jesu in Palästina gesprochene Aramäisch // Theologische Rundschau. Vol. 17. No. 3. Pp. 201–216.
- Kaufman S. A. 1973. Unique Magic Bowl from Nippur // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 32. Pp. 140–143.
- Kaufman, S. A. 1985. On Methodology in the Study of the Targums and their Chronology // Journal for the Study of the New Testament. Vol. 23. Pp. 117–124.
- Kutscher E. Y. 1960. Das zur Zeit Jesu gesprochene Aramäisch // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. Vol. 51. Pp. 46–54.
- Lasair S. 2009. Theorizing in the absence of a theory: the case of the Aramaic Targums to the Pentateuch // TransculturAl. Vol. 1. No. 2. Pp. 81–92.
- McNamara M. 1966. The New Testament and the Palestinian Targum to the Pentateuch. Rome: Pontifical Biblical Institute.
- McNamara, M. 1992. Targum Neofiti 1: Genesis. Translated, with Apparatus and Notes (ArBib IA). Collegeville, MN: Liturgical Press.
- Müller-Kessler C. 2001. The earliest evidence for Targum Onqelos from Babylonia and the question of its dialect and origin // Journal for the Aramaic Bible. Vol. 3. Pp. 181–198.
- Osawa K. 2011/12. Jannes and Jambres: The Role and Meaning of Their Traditions in Judaism // Sonderdruck Frankfurter Judaistische Beiträge. Vol. 37. Pp. 55–73.
- Ribera J. 1994. The Targum: From Translation to Interpretation // The Aramaic Bible. Targums in Their Historical Context / D. R. G. Beattie, M. McNamara (eds.). Sheffield Academic Press. JSOT Supplement Series 166. Pp. 218–225.
- Samely A. 2007. Forms of Rabbinic Literature and Thought: An Introduction. Oxford: Oxford UP.
- Sefaria.org. A Living Library of Torah Texts Online. URL: <https://www.sefaria.org/texts> (дата обращения: 31.05.2023).

- Shaked Sh. 2013. *Aramaic Bowl Spells // Jewish Babylonian Aramaic Bowls*. Vol. 1. Leiden, Boston: Brill.
- Smelik W. 1999. The Rabbinic reception of early Bible translations as Holy Writings and Oral Torah // *Journal for the Aramaic Bible*. Vol. 1. Pp. 249–272.
- Smelik W. 2007. Code-switching: The Public Reading of the Bible in Hebrew, Aramaic and Greek // *Was ist ein Text? Alttestamentliche, ägyptologische und altorientalistische Perspektiven* / L. Morenz, S. Schorch (eds.). Berlin: Walter de Gruyter. Pp. 123–151.
- Waller D. 2020. 'I Descended to the Depths of the Earth': A Rhetorical Poetics of the Jewish Babylonian Aramaic Incantation Bowls. Dis. University of Groningen.
- Wilcox M. 1994. The Aramaic background of the New Testament // *The Aramaic Bible. Targums in Their Historical Context* / D. R. G. Beattie, M. McNamara (eds.). Sheffield Academic Press. JSOT Supplement Series 166. Pp. 362–378.

References

- Alekseev, A. A. (2002). The first Russian translation of the New Testament printed in 1823. In L. N. Smirnov (Ed.). *The Role of Bible Translations in the Formation and Development of Slavic Literary Languages* (pp. 7–38). Institut slavjanovedenija RAN. [In Russian]
- The Bible. (1876). *Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments* (The Synodal Translation).
- Kraveckij, A. G. (Foreword, Ed., Publ.) (1998). Holy Council of the Orthodox Russian Church. From the materials of the Department on worship, preaching and the temple. *Bogoslovskie Trudy*, 34, 201–388. [In Russian]
- Pletneva, A. A., & Kraveckij, A. G. (2001). *History of the Church Slavonic language in Russia (late 19th–20th c.)*. Yazyki russkoy kul'tury. [In Russian]
- Fedotov, G. P. (1938). Slavonic or Russian language in worship. *Put'*, (57), 3–28. [In Russian]
- Fomicheva, S. V., & Bitner, K. A. (2022). Targums. In *Orthodox Encyclopedia* (Vol. LXVII, pp. 456–470). Pravoslavnaya entsiklopediya. [In Russian]
- Chizhevskiy, I. L. (1881). *Church Record Keeping*. Tipo-litografiya Okruzhnogo shtaba. [In Russian]
- Chistovich, I. A. (1899). *The History of the Translation of the Bible into Russian*. Tipografiya Stasyulevicha. [In Russian]
- Alexander, Ph. S. (1989). The Aramaic Version of the Song of Songs. *Documents, études et répertoires de l'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes Année*, (42), 119–131.
- Edwards, Th. (2007). *Exegesis in the Targum of Psalms: The Old, the New, and the Rewritten*. Gorgias Press.
- Fine, S. (2002). 'Their Faces Shine with the Brightness of the Firmament'. Study Houses and Synagogues in the Targumim to the Pentateuch. In F. W. Knobloch (Ed.). *Biblical Translation in Context Bethesda* (pp. 63–92). University Press of Maryland.
- Flesher, P., Chilton, B. (2011). *The Targums. A Critical Introduction*. Brill.
- Fraade, S. (1992). Rabbinic Views on the Practice of Targum, and Multilingualism in the Jewish Galilee of the Third-Sixth Centuries. In L. Levine (Ed.). *The Galilee in Late Antiquity* (pp. 253–286). Jewish Theological Seminary of America.

- Grohmann, M. (2005). "The Word is very near to you!" (Deut 30:14). Reader-Oriented Intertextuality in Jewish and Christian Hermeneutics. *Old Testament Essays*, (18), 240–252.
- Joosten, J. (2016). How Old is the Targumic Tradition? Traces of the Jewish Targum in the Second Temple Period, and Vice Versa. In A. P. Otero & P. T. Morales. (Eds.). *The Text of the Hebrew Bible and Its Editions. Studies in Celebration of the Fifth Centennial of the Complutensian Polyglot* (pp. 143–159). Brill.
- Kahle, P. (1948). Das zur Zeit Jesu in Palästina gesprochene Aramäisch. *Theologische Rundschau*, 17(3), 201–216.
- Kaufman, S. A. (1973). Unique Magic Bowl from Nippur. *Journal of Near Eastern Studies*, 32, 140–143.
- Kaufman, S. A. (1985). On Methodology in the Study of the Targums and their Chronology. *Journal for the Study of the New Testament*, 23, 117–124.
- Kutscher, E. Y. (1960). Das zur Zeit Jesu gesprochene Aramäisch. *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*, 51, 46–54.
- Lasair, S. (2009). Theorizing in the absence of a theory: the case of the Aramaic Targums to the Pentateuch. *TranscUlturAl*, 1(2), 81–92.
- McNamara, M. (1966). *The New Testament and the Palestinian Targum to the Pentateuch*. Pontifical Biblical Institute.
- McNamara, M. (1992). *Targum Neofiti 1: Genesis. Translated, with Apparatus and Notes (ArBib IA)*. Liturgical Press.
- Müller-Kessler C. (2001). The earliest evidence for Targum Onqelos from Babylonia and the question of its dialect and origin. *Journal for the Aramaic Bible*, 3, 181–198.
- Osawa, K. (2011/12). Jannes and Jambres: The Role and Meaning of Their Traditions in Judaism. *Sonderdruck Frankfurter Judaistische Beiträge*, 37, 55–73.
- Ribera, J. (1994). The Targum: From Translation to Interpretation. In D. R. G. Beattie & M. McNamara. (Eds.). *The Aramaic Bible. Targums in Their Historical Context* (pp. 218–225). Sheffield Academic Press.
- Samely, A. (2007). *Forms of Rabbinic Literature and Thought: An Introduction*. Oxford UP.
- Sefaria.org. (n.d.) *A Living Library of Torah Texts Online*. Retrieved May 21, 2023 from <https://www.sefaria.org/texts>
- Shaked, Sh. (2013). Aramaic Bowl Spells. In *Jewish Babylonian Aramaic Bowls* (Vol. 1). Brill.
- Smelik, W. (1999). The Rabbinic reception of early Bible translations as Holy Writings and Oral Torah. *Journal for the Aramaic Bible*, 1, 249–272.
- Smelik, W. (2007). Code-switching: the Public Reading of the Bible in Hebrew, Aramaic and Greek. In L. Morenz & S. Schorch (Eds.). *Was ist ein Text? Alttestamentliche, ägyptologische und altorientalistische Perspektiven* (pp. 123–151). Walter de Gruyter.
- Waller, D. (2020). 'I Descended to the Depths of the Earth': A Rhetorical Poetics of the Jewish Babylonian Aramaic Incantation Bowls. Dis. University of Groningen.
- Wilcox, M. (1994). The Aramaic background of the New Testament. In D. R. G. Beattie, & M. McNamara (Eds.). *The Aramaic Bible. Targums in Their Historical Context* (pp. 362–378). Sheffield Academic Press.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Сидоренко, аспирантка, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
nat.vlad.sidorenko@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8382-291X>

Information about the author

Natalia V. Sidorenko, Postgraduate student, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
nat.vlad.sidorenko@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8382-291X>

Признаки процесса зрительного восприятия: лексикографический аспект

Татьяна Юрьевна Передриенко

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
Контакт для переписки: peredrienkoti@susu.ru

Аннотация. Интерес гуманитарных наук к явлению перцепции объясняется необходимостью проанализировать и описать познание человеком окружающего мира. Зрение однозначно признается самым важным для большинства людей каналом получения информации, что позволяет вывести его на первый план при исследовании восприятия. Целью статьи является изучение признаков процесса зрительного восприятия, вербализованных в значении лексических и фразеологических единиц русского языка. Материалом исследования послужили 118 лексических и фразеологических единиц, номинирующих процесс в языке. Анализ словарных дефиниций перцептивных глаголов и фразеологизмов позволил сформировать синонимические ряды, объединенные общей конкретизирующей семой, называющей один из признаков процесса зрительного восприятия. В силу многозначности глаголов некоторые из них входят в разные синонимические ряды и актуализируют несколько признаков, что приводит к размытости границ внутри поля. Изучение языковой репрезентации признака дает возможность определить, какие из них являются ядерными, имея наибольшую представленность в языке, а какие — периферийными в силу наименьшей актуальности для представителей изучаемой культуры. Ядерное положение в поле признаков зрительного восприятия занимает целенаправленность, характеризующая активность субъекта в его ориентации на объект восприятия. Рядом с ядром находится результативность, обозначающая окончание процесса с положительным или отрицательным результатом. Далее следует продолжительность, актуализирующая фиксацию на объекте восприятия в течение определенного периода времени. Оценочность, выражающая отношение субъекта к объекту, находит меньшую вербализацию в языке, что говорит о ее удаленности от ядра. На периферии располагается признак ирреальности зрительного восприятия, при котором образ формируется на основе существующего опыта, а не при виде объекта восприятия. Представление полученных данных в виде модели позволяет наглядно показать расположение признаков в поле зрительного восприятия.

Ключевые слова: перцептивный компонент, зрительное восприятие, глагол, лексическая единица, фразеологизм, дефиниция, словарная статья, субъект восприятия, объект восприятия

Цитирование: Передриенко Т. Ю. 2023. Признаки процесса зрительного восприятия: лексикографический аспект // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 2 (34). С. 26–39. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-26-39>

Поступила 23.02.2023; одобрена 06.03.2023; принята 18.06.2023

Features of the visual perception process: lexicographic aspect

Tatiana Yu. Peredrienko

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia
Corresponding author: peredrienkoti@susu.ru

Abstract. This paper delves into the phenomenon of perception and the importance of analyzing a person's interaction with the world. The study focuses on the visual perception as the primary channel for obtaining information. The objective is to identify the characteristics of visual perception, as verbalized through lexical and phraseological units in the Russian language. The researcher has analyzed 118 lexical and phraseological units that nominate visual perception. By examining dictionary entries of perceptual verbs and phraseological units, she has formed synonymous rows that share a common concretizing seme, which names the features of the process of visual perception. Certain verbs are included in multiple synonymous rows, their polysemy result in the actualization of several features. This can cause the boundaries within the field to become blurred. The core position is characterized by the feature of purposefulness, which refers to the subject's orientation towards the object of perception. The closest feature to the core is effectiveness, which signifies the end of the process with a positive or negative result. Duration is associated with effectiveness and implies fixation on the object of perception for a certain period. The next feature is assessment, which expresses the subject's attitude towards the object. Finally, on the periphery, there is unreality of visual perception, where the image is based on existing experience rather than the real object. This language model effectively represents the features of visual perception, making it accessible, informative, and complete.

Keywords: perceptual component, visual perception, verb, lexical unit, phraseological unit, definition, dictionary entry, subject of perception, object of perception

Citation: Peredrienko T. Yu. (2023). Features of the visual perception process: lexicographic aspect. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(2), 26–39. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-26-39>

Received Feb. 23, 2023; Reviewed Mar. 6, 2022.; Accepted Jun. 18, 2023

Введение

Явление перцепции (восприятия) всегда находилось в сфере интереса гуманитарных наук, поскольку исследование этого процесса позволяет понять и воссоздать взаимодействие людей с внешним миром. Способность воспринимать окружающую реальность является базовой способностью, что выводит ее на первый план при изучении и описании возможностей человека.

Восприятие изучает психология, по мнению А. В. Барабанщикова, с целью определения принципов, свойств и закономерностей чувственного отражения реальности в сознании людей при их взаимодействии с существующей действительностью [Барабанщиков, 2000, с. 54]. Философия рассматривает восприятие в связи с познанием и мыслительной деятельностью. Восприятие считается формой познания предметов (физических вещей, живых существ, людей) и объективных ситуаций (взаимодействия предметов, движений, событий) при помощи органов чувств [Касавин, 2009]. С точки зрения социологии восприятие исследуется как процесс и результат отражения человеком социальных объектов — других людей, групп и общностей различных видов и самих себя [Осипов, 1998, с. 74]. Лингвисты изучают вербализацию в языке ситуаций чувственного восприятия.

Разные подходы к исследованию процесса приводят к глубине его понимания, но и затрудняют однозначность его определения. В частности, Е. С. Кубрякова отмечает, что сложность толкования термина «восприятие» вызвана тем, что он может быть использован как для характеристики отдельных перцептивных действий, так и для обозначения процессов интеграции и синтеза полученных по средствам органов чувств данных [Кубрякова, 1996, с. 17]. Восприятие, с одной стороны, называет способность человека выделять признаки и качества различных объектов и процессов, а с другой стороны, во время восприятия формируется целостный образ.

Обзор литературы

Исследование восприятия в лингвистике

Подходы к пониманию восприятия в лингвистике интегрированы, поскольку первичным является изучение репрезентации в языке как самого процесса, так и его результата. Анализу языкового выражения перцепции посвящены работы ряда отечественных [Ружин, 1994; Кубрякова, 1997; Харченко, 2012; Авдевнина, 2014] и зарубежных лингвистов [Dwinata, 2017; Baicchi и др., 2018; Winter, 2019].

Ученые изучают языковую репрезентацию восприятия на материале разных языков, в сопоставительном аспекте, в разных типах дискурса, а также детально анализируют отдельно взятые модусы перцепции. В. К. Харченко говорит о выделении направления лингвосенсорики, в рамках которого исследуется язык перцепции — «вербальная репрезентация показаний пяти органов чувств» [Харченко, 2012, с. 6].

Языковая номинация процесса восприятия осуществляется при помощи перцептивных лексических единиц. Критерий отнесения лексики к перцептивной группе — присутствие в значении перцептивного компонента, который, как подчеркивает Е. В. Падучева, «должен быть основным в семантике соответствующих лексем» [Падучева, 2004, с. 199]. Л. В. Лаенко предлагает различать понятия перцептивное значение и перцептивный компонент, первый термин называет «прямое значение лексемы, связанное с чувственным восприятием», а второй термин указывает на то, что перцептивное значение является лишь составляющей значения лексемы или одним из ее значений [Лаенко, 2021, с. 40].

К перцептивным значениям или перцептивной семантике, как полагает О. Ю. Авдеевина, относятся значения и языковые средства выражения процесса восприятия человеком существующей реальности, а также способы передачи чувственных впечатлений [Авдеевина, 2020, с. 20]. Перцептивная семантика выражается языковыми единицами различных частей речи, но, поскольку восприятие является процессом, наиболее важную роль выполняют глаголы. Именно эта часть речи вербализирует тот или иной канал перцепции и выражает взаимоотношения между субъектом и объектом в ситуации восприятия.

И. Г. Рузин отмечает, что определенный канал восприятия в лингвистике называется перцептивным модусом (или модусом восприятия) [Рузин, 1994]. Этот термин был заимствован из психологии и обозначает принадлежность ощущения или сигнала к определенной сенсорной системе: зрительной, обонятельной, слуховой, вкусовой или тактильной [Зинченко, Мещерякова, 2006]. Значимость модусов в процессе перцепции не одинакова. Система восприятия, по мнению Ю. Д. Апресяна, имеет иерархическое устройство, в которой виды восприятия ранжируются по значимости. Первое место по важности занимает зрительное восприятие, далее идут слух, осязание, обоняние и вкус [Апресян, 1995, с. 358].

Модус зрительного восприятия

Зрение однозначно признается самым важным для большинства людей каналом получения информации, а все значимые для общества предметы, явления, события и действия имеют широко представленную номинацию в языке. Как отмечает Ю. Д. Апресян, из всех видов чувственного восприятия именно зрение представлено наибольшим количеством лексических единиц, которые также активно участвуют в образовании метафорических моделей языковой номинации процесса [Апресян, 1995].

А. Вежбицкая описывает зрительное восприятие как сложный процесс, в результате которого могут быть определены такие характеристики как размер, цвет, форма и многие другие, формирующие образ «неделимого целого» [Вежбицкая, 1996, с. 231–232].

Е. В. Падучева утверждает, что процесс зрительного восприятия состоит из двух этапов. Во время первого «физиологического» этапа «орган восприятия участвует на правах своего рода орудия», и моделируется зрительный образ объекта (или ситуации), включающий размер, форму и цвет, то есть те характеристики, которые определяются глазами. Во время второго этапа происходит «ментальная обработка» образа, при которой выявляются свойства, устанавливаются тождества и происходит оценка [Падучева, 2001, с. 33]. Таким образом, зрительный образ получается емким и содержательным, поскольку в нем сосредоточены воспринимаемые органами чувств характеристики и личностная оценка.

По словам И. Ю. Колесова,

«зрительное восприятие определяется физиологией глаза и мозга, но обусловлено культурой. Следовательно, в языках как „хранилищах“ культурных ценностей и стереотипов могут быть выявлены культурно-значимые факторы из сферы восприятия» [Колесов, 2009, с. 10].

То есть в каждом обществе сформированы и эволюционируют модели зрительного восприятия, через призму которых и происходит перцепция окружающего мира представителями разных культур.

В ситуациях зрительного восприятия всегда предполагается деятельность субъекта, который взаимодействует с окружающим миром. Как правило, субъектом является живое существо, которое, как отмечает О. Ю. Авдеевнина, благодаря своей биологической природе, обеспечено «сложной сенсорно-перцептивной организацией, настроенной на принятие всего разнообразия физических проявлений реальной действительности» [Авдеевнина, 2014, с. 37].

Еще одной составляющей процесса зрительного восприятия является объект, в роли которого могут выступать различные предметы и ситуации окружающего мира. Во время восприятия происходит взаимодействие субъекта и объекта, которое выражается в языке перцептивными глаголами. Изучение плана содержания этих языковых единиц позволяет определить какие признаки процесса зрительного восприятия присутствуют в языковом сознании носителей культуры.

Материалы и методы исследования

Цель исследования — определение признаков процесса зрительного восприятия через анализ словарных дефиниций перцептивных глаголов и перцептивных фразеологизмов, называющих этот процесс в русском языке.

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки глаголов и фразеологизмов зрительного восприятия из словарей синонимов, фразеологических и толковых словарей русского языка [Ожегов, Шведова, 1999; Ефремова, 2000; Кузнецов, 2000; Дмитриева, 2003; Шушков, 2003; Александрова, 2005; Тихонов и др., 2007; Мудрова, 2009; Гаврилова, 2013; Ларионова, 2014; Субботина, 2015]. Процесс зрительного восприятия имеет широкое выражение в русском языке через глаголы и фразеологические единицы, в структуре которых присутствуют глаголы зрительного восприятия или названия органа зрения (глаз). Некоторые глаголы могут приобретать перцептив-

ное значение в сочетании с существительными, называющими орган зрения или их направленность. Например, процесс зрительного восприятия может вербализоваться фразеологизмами *скользить глазами, пожирать глазами, сверлить глазами* и другими. Для анализа были выбраны глаголы и фразеологизмы, употребляемые в прямом значении, то есть называющие непосредственно процесс зрительного восприятия. Фразеологизмы, в которых произошло метафорическое переосмысление значения, в качестве материала исследования не использовались. Таким образом, общее число лексических и фразеологических единиц зрительного восприятия составило 118: 76 глаголов и дериватов и 42 фразеологизма.

В ходе исследования в качестве основных методов использовались анализ словарных дефиниций и лингвокогнитивное моделирование. В словарной дефиниции отражается ключевая информация, которую вкладывают в лексическую единицу носители языка. Но, как отмечает И. А. Стернин, в лексикографическом значении фиксируются преимущественно ядерные семы, и при этом часто не все; периферийные семы могут остаться за пределами словарной дефиниции. Именно поэтому процедура этого анализа включает обобщение определений, предлагаемых разными словарями, что позволяет максимально расширить список значений слова, а также список образующих значения семантических компонентов, поскольку в разных словарях возможно выделение разных значений и семантических компонентов одного и того же слова [Стернин, 2013, с. 10]. Обобщение словарных дефиниций позволяет представить наиболее полную характеристику значений и семантических компонентов слова, упорядочить их расположение и не упустить менее частотные из них.

Однако И. А. Стернин считает, что, несмотря на свою полноту и точность, описание обобщенных дефиниций является предварительной процедурой, поскольку результаты не позволяют исчерпывающим образом объяснить когнитивный механизм «порождения смыслов» [Стернин, 2013, с. 10]. Хочется также добавить, что этот метод не дает возможности представить полную структуру изучаемого объекта. Именно поэтому на следующем этапе изучения семантики зрительного восприятия применяется лингвокогнитивное моделирование, которое помогает структурировать языковое выражение всех знаний и представлений об исследуемом объекте. О. С. Ахманова определяет моделирование как научный прием схематического воспроизведения объекта либо не поддающегося непосредственному наблюдению, либо имеющего сложную структуру [Ахманова, 2004, с. 238]. Характеризуя процесс зрительного восприятия, можно отметить и многокомпонентность его структуры, и невозможность непосредственного наблюдения за признаками этого процесса. По этой причине представление вербализованных в языке признаков зрительного восприятия в виде языковой модели сделает изучаемый объект наглядным, доступным, информативным и полным.

Результаты

Все глаголы зрительного восприятия обладают общей категориальной семой, указывающей на изучаемый вид перцептивного действия, а также конкретизирующими семами. Анализ словарных дефиниций глаголов позволяет разделить их на несколько синонимических рядов по вербализованному ими признаку. В каждом синонимическом ряду выделяется общая конкретизирующая сема процесса зрительного восприятия.

В значении всех изучаемых глаголов выделяется признак целенаправленности/нецеленаправленности процесса. Данный результат является предсказуемым, поскольку о наличии данного признака у глаголов зрительного восприятия уже говорили многие ученые [Шабанова, 1998; Колесов, 2009; Анохина, 2011].

Целенаправленность характеризуется активностью субъекта восприятия и его ориентацией на объект. В дефинициях этот признак вербализуется через указание на направление взгляда (глаз), указание на объект посредством местоимений (кого-либо, что-либо, куда-либо), указание цели действия. Примерами таких глаголов являются: *смотреть* — ‘направлять взгляд куда-л., чтобы увидеть’; *взглянуть* — ‘устремить глаза, обратить взгляд, посмотрев на кого-л. или что-л.’; *наблюдать* — ‘внимательно следить за кем-л., осуществлять надзор и другие’. Признак целенаправленности может быть актуализирован также фразеологизмами: *смотреть во все глаза* — ‘быть очень внимательным, бдительным, ничего не упуская из вида’; *проглядеть все глаза* — ‘пристально всматриваться куда-л., ожидая с нетерпением появления кого-л.’

В значении глаголов целенаправленного зрительного восприятия также выделяются дополнительные семы «усилие», «направление» и «скрытность». Под усилием понимается напряжение физических сил для достижения цели зрительного восприятия. Например, *вглядываться* — ‘напрягать зрение и внимание, чтобы рассмотреть что-л.’; или *всматриваться* — ‘напряженно смотреть, стараясь рассмотреть кого-л., что-л.’ Для достижения цели нередко требуется изменение направления взгляда, что находит выражение в следующих глаголах: *оглянуться* — ‘повернув голову, посмотреть назад’; *коситься* — ‘смотреть искоса, сбоку на кого-л., что-л.’ Направленность взгляда может быть на объект или другой субъект. Зрительное взаимодействие между двумя субъектами выражается глаголом с приставкой *пере-*, имеющей значение ‘взаимное действие’ *переглядываться* — ‘обмениваться быстрыми взглядами’. Целенаправленное зрительное восприятие не всегда осуществляется открыто. Скрытность процесса выражается глаголами *подглядывать* — ‘подсматривать тайком, исподтишка’; *подсматривать* — ‘оставаясь незаметным, следить’; *шпионить* — ‘тайно следить за кем-л.’

При нецеленаправленном зрительном восприятии действие осуществляется благодаря зрению, но нет указания на объект, так как процесс выполняется субъектом без цели и характеризуется наречиями с отрицательной коннотацией: *бесцельно, невнимательно*. Эту группу представляют глаголы *видеть* — ‘познавать чувством зрения, иметь зрение’; *глазеть* — ‘смотреть бесцельно, из праздного любопытства’, а также фразеологизмы: *блуждать взглядом* — ‘смотреть, не сосредоточиваясь на чем-л.’; *видеть краем глаза* — ‘смотреть невнимательно, не всматриваясь’ и другие. Группа глаголов и фразеологиз-

мов целенаправленного зрительного восприятия численно значительно превалирует над группой нецеленаправленного зрительного восприятия, в состав которой входят 5 глаголов и 4 фразеологизма.

Следующим признаком зрительного восприятия является его результативность. Данный признак подразумевает окончание процесса с положительным или отрицательным результатом. Однако этот признак хоть и имеет широкую репрезентацию, но представлен не во всех глаголах зрительного восприятия.

Признак положительной результативности вербализуется глаголами совершенного вида с приставкой *вы-*, обозначающей 'исчерпанность действия' (*высмотреть*), с приставкой *у-*, имеющей значение 'совершение действия несмотря на трудности' (*усмотреть, углядеть, увидеть*), с приставками *за-, раз-, рас-* выражающими 'доведение действия до результата' (*заметить, засечь, разглядеть, различить, рассмотреть*) и другими.

Отрицательный результат представлен в значениях глаголов *проморгать* — 'упустить, не заметить'; *просмотреть* — 'смотря, за кем-л., чем-л., пропустить по невнимательности'; *недоглядеть, недосмотреть* — 'наблюдая, присматривая за кем-л., чем-л., не уберечь от кого-л., чего-л.'. Признак отрицательной результативности получает языковое выражение в глаголах совершенного вида благодаря приставке *про-* в значении 'ошибочное действие' и приставке *недо-* в значении 'недоведение действия до нормы'. Причинами отрицательного результата могут быть помехи, ошибочное восприятие или невнимание субъекта, которые вербализуются во фразеологизмах *в глазах потемнело, в глазах помутилось, смотреть невидящими глазами, упустить из вида, смотреть сквозь пальцы, закрывать глаза на что-л.*

С признаком результативности тесно связан признак продолжительности зрительного восприятия, поскольку результат зависит от потраченного времени. Продолжительность выражается глаголами, акцентирующими пристальность взгляда и тщательность процесса, которые требуют определенного времени: *разглядывать* — 'пристально, тщательно всматриваться в кого-л., что-л.'; *рассматривать* — 'подвергать тщательному осмотру'; *уставиться* — 'устремить пристальный взгляд куда-л. или на кого-л.' и другими. Семантика глагола *задержать* — 'замедлить на время действие' актуализирует продолжительность процесса во фразеологизме *задержать взгляд*. Продолжительность выражается отрицанием значения смысловых глаголов *сводить* — 'отводить куда-л.', *отрывать* — 'отвлекать, помешав делать что-л.' в устойчивых выражениях *не сводить глаз, не отрывать глаз*.

Краткость процесса вербализуется глаголами несовершенного вида, которые в дефинициях имеют обозначение 'однократное': *взглянуть, глянуть, заглянуть*. Во фразеологизмах *бросить взгляд, кинуть взгляд, метнуть взгляд* на краткость зрительного восприятия указывают глаголы, имеющие значение 'быстро переместить'. Кроме того, краткость действия может быть выражена работой органов зрения не в полную меру: *взглянуть краем глаза (одним глазом)*.

Анализ дефиниций глаголов зрительного восприятия также показал, что для процесса характерна не только краткость или продолжительность, но и повторяемость. Она выражается в языке глаголом с приставкой *пере-*: *пересматривать*.

Следующим признаком процесса зрительного восприятия является оценочность. Большинство глаголов не имеют оценочной семы, характеризую процесс, но не указывая на отношение к нему субъекта восприятия. Положительная оценка выражается в глаголах совершенного вида с приставкой *на-*, имеющей значение 'выражение удовлетворенности': *наглядеться, налюбоваться, насмотреться*. На положительную оценку указывает также сема 'восхищение' в значении глаголов: *любоваться* — 'рассматривать кого-л., что-л. с восхищением, удовольствием'; *засматриваться* — 'долго, любуясь, смотреть на кого-л. или что-л.'; *заглядываться* — 'смотреть, любуясь, на кого-л. или что-л. с восхищением'. Во фразеологизмах оценка актуализируется глаголами с положительной коннотацией *отдыхать, радоваться*, а также отрицательной формой глаголов, обозначающих окончание действий *не отводить, не оторвать*: *глаза отдыхают, глаз радуется, глаз не отвести, глаз не оторвать*.

Отрицательная оценка актуализируется в глаголах и фразеологизмах с семой 'неодобрение': *коситься* — 'смотреть искоса, недружелюбно, с неодобрением'; *покоситься* — 'посмотреть искоса, неодобрительно, враждебно'; *сверкать глазами, сверлить взглядом* — 'смотреть, выражая чувство гнева, неодобрения'.

Еще одним признаком зрительного восприятия является его реальность, то есть объективное существование явления. При изучаемом перцептивном процессе происходит восприятие образов окружающей действительности с помощью органов зрения. Однако ряд перцептивных глаголов вербализует процесс зрительного восприятия, которое происходит не в реальности, а в воображении или во сне: *вообразить* — 'представить себе мысленно, вызвать в сознании какой-л. образ', *грезить* — 'видеть в полусне, в забытьи что-л., кого-л.', *предвидеть* — 'учитывая обстоятельства, факты, заранее видеть, что должно произойти', *провидеть* — 'предвидеть, мысленно представлять себе будущее'. В значении глаголов этой группы выделяются семы 'видеть' и 'образ'. Единственным отличием их от других глаголов зрительного восприятия является то, что перцепция происходит без участия органов зрения. Таким образом, глаголы этой группы являются как бы вторичными по отношению к остальным глаголам зрительного восприятия, так как образ формируется на основе существующего опыта, а не при виде объекта восприятия. Признак ирреальности находится на периферии признаков зрительного восприятия, так как представлен в языковом выражении только 4 глаголами.

Необходимо отметить, что один и тот же глагол в силу многозначности может входить в разные синонимические ряды, а значит, и актуализировать несколько признаков зрительного восприятия, что не позволяет четко структурировать границы в сегментах признаков поля зрительного восприятия. Несмотря на это, можно определить, какие признаки являются ядерными, имея наибольшую репрезентацию в языке, а какие являются периферийными в силу наименьшей актуальности для представителей изучаемой культуры.

Обсуждение

Данные проведенного анализа лексикографических источников позволили сформировать модель признаков зрительного восприятия, вербализуемых в русском языке. Изучение обобщенных словарных дефиниций перцептивных глаголов позволило «от-

крыть» содержание языкового сознания носителей культуры. Ядерное положение занимает признак целенаправленности процесса, выявляемый в значении всех изучаемых глаголов. Целенаправленность характеризует активность или неактивность субъекта в его ориентации на объект восприятия. В русской культуре глаголы и фразеологизмы целенаправленного зрительного восприятия значительно преобладают над единицами нецеленаправленного восприятия, соотношение составляет 109 и 9 соответственно. Ближе всего к ядру находится следующий признак зрительного восприятия — результативность. Под результативностью понимается окончание процесса с положительным или отрицательным результатом. Этот признак находит выражение в 49 языковых единицах. С результативностью связан признак продолжительности зрительного восприятия. Продолжительность подразумевает фиксацию на объекте восприятия в течение какого-то промежутка времени. Данный признак вербализуется в значении 29 глаголов и 15 фразеологических единиц. Еще одним признаком процесса зрительного восприятия является оценочность, которая выражает отношение субъекта к объекту восприятия. Положительную или отрицательную оценку при зрительном восприятии актуализируют 18 языковых единиц. На периферии находится признак ирреальности зрительного восприятия, при котором образ формируется на основе существующего опыта, а не при виде объекта восприятия, называемый в языке всего 4 глаголами. Модель признаков зрительного восприятия, вербализуемых языковыми единицами русского языка, представлена на рис. 1.

Рис. 1. Признаки зрительного восприятия
Fig. 1. Features of visual perception

Заключение

Проведенный анализ показал возможность выявления и представления в виде модели признаков процесса зрительного восприятия. Эти признаки присутствуют в картине мира носителей культуры и получают выражение в языковой системе. Исследование плана содержания языковых единиц, в частности перцептивных глаголов и фразеологизмов, позволяет открыть и понять их потенциал в представлении зрительного восприятия в изучаемой культуре.

Список источников

- Авдевинна О. Ю. 2014. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М. 1065 с.
- Авдевинна О. Ю. 2020. Перцептивные значения в социальной сфере: от действия к деятельности // Язык науки и профессиональная коммуникация. № 1 (2). С. 18–33.
- Александрова З. Е. 2005. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М.: Русский язык — Медиа. 568 с.
- Анохина С. З. 2011. Когнитивное исследование объектов в процессе зрительного восприятия (на материале разноструктурных языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 24 с.
- Апресян Ю. Д. 1995. Избранные труды. М.: Языки русской культуры. 472 с. Т. 1: Лексическая семантика.
- Ахманова О. С. 2004. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС. 571 с.
- Барабанщиков В. А. 2000. Системогенез чувственного восприятия. М.: Институт практической психологии; Воронеж: Модэк. 464 с.
- Вежицкая А. 1996. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари. 416 с.
- Гаврилова А. С. 2013. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. М.: Аделант. 512 с.
- Дмитриев Д. В. (ред.). 2003. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ. 1582 с.
- Ефремова Т. Ф. 2000. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный в 2 тт. М.: Русский язык. 1209 с.
- Зинченко В. П., Мещерякова Б. Г. (ред.). 2006. Психологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига. 503 с.
- Касавин И. Т. (ред.). 2009. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, Реабилитация. 1248 с.
- Колесов И. Ю. 2009. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул. 31 с.
- Кубрякова Е. С. 1996. Восприятие // Кубрякова Е. С. [и др.]. (сост.). Краткий словарь когнитивных терминов. М. С. 17–21.
- Кубрякова Е. С. 1997. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: РАН. 331 с.
- Кузнецов С. А. (сост., ред.). 2000. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт. 1536 с.

- Лаенко Л. В. 2021. Лингвоперцептология как область исследования перцептивной семантики // Семантический потенциал языковых единиц и его реализация: тезисы докладов Международной научной конференции. Минск. С. 39–41.
- Ларионова Ю. А. 2014. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант. 512 с.
- Мудрова А. Ю. (сост.). 2009. Словарь синонимов русского языка. М.: Центрполиграф. 507 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1999. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник. 944 с.
- Осипов Г. В. (ред.). 1998. Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА-ИНФРА М. 672 с.
- Падучева Е. В. 2001. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. № 4. С. 23–44.
- Падучева Е. В. 2004. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры. 608 с.
- Рузин И. Г. 1994. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. № 6. С. 79–100.
- Стернин И. А. 2013. Методы исследования семантики слова. Ярославль: Истоки. 34 с.
- Субботина Л. А. 2015. Фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ. 320 с.
- Тихонов А. Н., Ломов А. Г., Ломова Л. А. (сост.). 2007. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык — Медиа. 334 с.
- Харченко В. К. 2012. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: ЛИБРОКОМ. 216 с.
- Шабанова Т. Д. 1998. Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 198 с.
- Шушков А. А. 2003. Толково-понятийный словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ. 768 с.
- Baicchi A., Digonnet R., Sandford J. L. (eds.). 2018. *Sensory Perceptions in Language, Embodiment and Epistemology*. Springer. 215 pp. <https://doi.org/10.4000/cognitextes.1871>
- Dwinata E. 2017. *Language and Perception* // *Journal of English Language Teaching, Linguistics and Literature*. Vol. 1. No. 1. Pp. 71–77.
- Winter B. 2019. *Sensory Linguistics: Language, Perception and Metaphor*. John Benjamins. 388 pp.

References

- Avdevnina, O. Yu. (2014). *The category of perception and the means of its expression in contemporary Russian*. [Doctoral dissertation, Moscow]. [In Russian]
- Avdevnina, O. Yu. (2020). Perceptual meanings in the social sphere: from action to activity. *Yazyk nauki i professional'naya kommunikaciya*, 1(2), 18–33. [In Russian]
- Aleksandrova, Z. E. (2005). *Dictionary of Synonyms of the Russian Language: A Practical Guide*. Russkij yazyk — Media. [In Russian]
- Anokhina, S. Z. (2011). *Cognitive research of objects in the process of visual perception (on the material of languages with different structures)*. [Dissertation, Ufa]. [In Russian]

- Apresyan, Yu. D. (1995). *Lexical semantics. Vol. 1. Selected Works*. Yazyki slavyanskoj kultury. [In Russian]
- Akhmanova, O. S. (2004). *Dictionary of Linguistic Terms*. URSS: Editorial URSS. [In Russian]
- Barabanshchikov, V. A. (2000). *Systemogenesis of Sensory Perception*. Institute of Practical Psychology, MODEK. [In Russian]
- Wierzbicka, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Russian dictionaries. [In Russian]
- Gavrilova, A. S. (2013). *The Dictionary of Synonyms and Antonyms of the Modern Russian Language*. Adelant. [In Russian]
- Dmitriev D. V. (Ed.). (2003). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Astrel: AST. [In Russian]
- Efremova, T. F. (2000). *New Dictionary of the Russian Language. Interpretive Word-Building (In 2 vols.)*. Russkij yazyk. [In Russian]
- Zinchenko, V. P., & Meshcheryakova, B. G. (Eds.). (2006). *Psychological Dictionary*. Astrel: AST: Tranzitkniga. [In Russian]
- Kasavin I. T. (Ed.). (2009). *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Kanon +, Rehabilitation. [In Russian]
- Kolesov, I. Yu. (2009). *Actualization of visual perception in language: cognitive aspect (on the material of English and Russian languages)*. [Doctoral dissertation, Barnaul]. [In Russian]
- Kubryakova, E. S. (1996). Perception. In E. S. Kubryakova et al. (Eds.). *A Brief Dictionary of Cognitive Terms* (pp. 17–21). [In Russian]
- Kubryakova, E. S. (1997). *Parts of Speech from a Cognitive Point of View*. RAN. [In Russian]
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Large Dictionary of Russian language*. Norint. [In Russian]
- Laenko, L. V. (2021). Lingvoperceptology as a field of study of perceptual semantics. *Proceedings of the International Scientific Conference "Semanticheskij potencial yazykovyh edinic i ego realizaciya," Russia* (pp. 39–41). [In Russian]
- Larionova, Yu. A. (2014). *Phraseological Dictionary of the Modern Russian Language*. Adelant. [In Russian]
- Mudrova, A. Yu. (Ed.). (2009). *Dictionary of Synonyms of the Russian Language*. Tsentrpoligraf. (In Russian)
- Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (1999). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Azbukovnik. [In Russian]
- Osipov G. V. (Ed.). (1996). *Russian Sociological Encyclopedia*. NORMA-INFRA M. [In Russian]
- Paducheva, E. V. (2001). On the structure of the semantic field "perception" (based on the verbs of perception in Russian). *Voprosy yazykoznanija*, (4), 23–44. [In Russian]
- Paducheva, E. V. (2004). *Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary*. Yazyki slavyanskoj kultury. [In Russian]
- Ruzin, I. G. (1994). Cognitive naming strategies: modes of perception (sight, hearing, touch, smell, taste) and their expression in language. *Voprosy yazykoznanija*, (6), 79–100. [In Russian]
- Sternin, I. A. (2013). *Methods for Studying the Semantics of a Word*. Istoki. [In Russian]
- Subbotina, L. A. (2015). *Phraseological Dictionary of the Russian Language*. AST. [In Russian]
- Tikhonov, A. N., Lomov, A. G., & Lomov, L. A. (Ed.). (2007). *Phraseological Dictionary of the Russian Language*. Russkij yazyk — Media. [In Russian]

- Kharchenko, V. K. (2012). *Sensory Linguistics: Fundamental and Applied Aspects*. LIBROKOM. [In Russian]
- Shabanova, T. D. (1998) *Semantic model of English verbs of vision: Theoretical and experimental research* [Doctoral dissertation, Ufa]. [In Russian]
- Shushkov, A. A. (2003). *Explanatory-Conceptual Dictionary of the Russian Language*. Astrel: AST. [In Russian]
- Baicchi, A., Digonnet, R., & Sandford, J. L. (Eds.). (2008). *Sensory Perceptions in Language, Embodiment and Epistemology*. Springer.
- Dwinata, E. (2017). Language and Perception. *Journal of English Language Teaching, Linguistics and Literature*, 1(1), 71–77.
- Winter, B. (2019). *Sensory Linguistics: Language, Perception and Metaphor*. John Benjamins.

Информация об авторе

Татьяна Юрьевна Передриенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Южно-Уральского государственного университета (ниу), Челябинск, Россия
peredrienkoti@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8747-3692>

Information about the author

Tatiana Yu. Peredrienko, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Foreign Languages Department, South Ural State University (nru), Chelyabinsk, Russia
peredrienkoti@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8747-3692>

Феноменологическая рефлексия заглавия книги стихов Б. Пастернака «Близнец в тучах»

Алексей Валентинович Барыкин

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала
инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: barykin.aleksej@list.ru

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена феноменологическим толкованием названия первой книги стихов Б. Пастернака «Близнец в тучах». Основное внимание в ней уделено исследованию специфики художественных интенций, определяющих субъектную структуру произведения, образную реализацию творческого конфликта в процессе идентификации лирического субъекта, поиска его самоопределений, установления диалога со своим «двойником». При этом феноменологический анализ осложняется мифопоэтическим, герменевтическим и психоаналитическим подходами к рассмотрению образности. При исследовании поэтических произведений автор статьи выявляет особенности интенциональных переживаний лирического субъекта в рамках синтагмо-парадигматической связи художественного текста, которая преодолевает условную, знаковую определенность и в феноменологической рефлексии моделирует пространство экзистенциально-онтологической реализации лирического героя и авторского самосознания. Кроме того, обращается внимание на языковой строй стихотворных текстов, возможности разнообразных прочтений некоторых метафор, определяющих такой инносказательный код, который восходит к сакральной традиции именованья. Для аналитической части статьи были взяты тексты, наиболее показательные в плане концептуальной реализации идейно-значимой специфики книги Б. Пастернака. В них главным образом раскрывается интенциональная специфика возможности разрешения экзистенциального конфликта лирического субъекта в попытке обрести космогоническое единство со своим божественным alter ego. Выводы работы содержат данные по анализу всех произведений книги с учетом актуализации художественных интенций в трех основных аспектах: онтологическом, гносеологическом и метафизическом, раскрывающими полноту экзистенциальных переживаний героя-субъекта.

Ключевые слова: Б. Пастернак, Диоскуры, феноменология, лирический субъект, мифопоэтика, художественные интенции, космогония, мотив «двойника»

Цитирование: Барыкин А. В. 2023. Феноменологическая рефлексия заглавия книги стихов Б. Пастернака «Близнец в тучах» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 2 (34). С. 40–53. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-40-53>

Поступила 12.02.2023; одобрена 22.05.2023; принята 18.06.2023

Phenomenological aspect of the title of B. Pasternak's book of poems *The Twin in the Clouds*

Alexey V. Barykin

Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering
Troops A. I. Proshlyakov, Tyumen, Russia
Corresponding author: barykin.aleksej@list.ru

Abstract. This article focuses on the phenomenological interpretation of Boris Pasternak's first book of poems, *The Twin in the Clouds*, examining the artistic intentions that shape the work's subjective structure. The study delves into the creative conflict involved in defining the lyrical subject, seeking self-identity and engaging in a dialogue with their "double". The analysis incorporates mythopoetic, hermeneutic and psychoanalytic perspectives to explore the work's imagery. The author investigates the unique intentional experiences of the lyrical subject within the artistic text's syntagmatic-paradigmatic connections, transcending conventional sign-defined certainty. This aspect models the existential-ontological realization of the lyrical hero and the author's self-awareness in phenomenological reflection. The article also examines the linguistic structure of the poetic texts, exploring various interpretations of metaphors that trace back to the sacred tradition of naming. The analytical portion of the article focuses on texts that best demonstrate the ideologically significant aspects of Pasternak's book. These texts primarily reveal the intentional specificity of resolving the existential conflict of the lyrical subject in their quest for cosmogonic unity with their divine counterpart. The study's conclusions present findings from an analysis of all poems in the book, considering the actualization of artistic intentions in three main aspects: ontological, gnoseological, and metaphysical. This comprehensive approach uncovers the full range of the hero–subject's existential experiences.

Keywords: B. Pasternak, Dioscuri, phenomenology, lyrical subject, mythopoetics, artistic intentions, cosmogony, "double" motif

Citation: Barykin, A. V. (2023). Phenomenological aspect of the title of B. Pasternak's book of poems *The Twin in the Clouds*. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(2), 40–53. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-40-53>

Received Feb. 12, 2023; Reviewed May. 22, 2023.; Accepted Jun. 18, 2023

Введение

Первая книга стихов Б. Пастернака «Близнец в тучах» (1914) [Пастернак, 1989, Т. 1, с. 427–451, 727–730] примечательна своеобразной инициацией поэта. Этот ритуал как творческое проявление авторского «я» и поиск его самоопределений превращается в космологическую процедуру. Возникаемые наименования поэтической созидательной сущности тесным образом связаны со словесным означиванием различных явлений художественного мира. Всевозможные определения в мифологическом статусе становятся не просто обозначениями предметов, но их сущностями. Акт наделения именами становится тождествен онтологическому процессу рефлексии творческого сознания.

Поэт так вспоминает время создания этой книги:

«я в течение двух или трех летних месяцев написал стихотворения своей первой книги. Книга называлась до глупости притязательно „Близнец в тучах“, из подражания космологическим мудреностям, которыми отличались книжные заглавия символистов и названия их издательств. Писать эти стихи, перемарывать и восстанавливать зачеркнутое было глубокой потребностью и доставляло ни с чем не сравнимое, до слез доводящее удовольствие» [Пастернак, 1991, Т. 4, с. 325–326].

Впоследствии Пастернак сожалел о преждевременном выходе этой книги в свет, и некоторые стихотворения, наиболее значимые, по мнению самого поэта, были подвергнуты корректировке. Стоит отметить, что почти все из них из-за желания автора сделать их более понятными утратили непосредственность художественного видения (несмотря на претенциозное намерение поэта создать их в духе футуристических образцов); мастерство же, технические навыки уже сформировавшегося поэта «завуалировали» «открытость» содержательного потока произведений. Существует мнение, что эксперименты с формой скрывают подлинный характер художественной сущности, однако на начальном этапе творческого пути они в силу своей незрелости, отсутствия ремесленнических признаков все-таки способны явить эту сущность в максимальной открытости.

Поэтому «Близнец в тучах», а не последующая его переработка, нашедшая отражение в цикле «Начальная пора», в феноменологическом аспекте является принципиально значимым.

При обращении к анализу поэтики книги ученые, как правило, комментируют «сложные», метафорически насыщенные места, пытаются представить логическую последовательность образных рядов, семантику циклообразующих мотивов [Гаспаров, 1990;

Мирецкая, 1992; Флейшман, 1993; Поливанов, 1996; Венцлова, 1997; Вроон, 1998; Гаспаров, Поливанов, 2005; Барыкин, 2008]. При этом феноменологический аспект анализа образности не был актуализирован, он позволил бы рассмотреть эту книгу как целостную органичную систему интенций художественного сознания, их онтологическую обусловленность в рамках структуры поэтики. Ранее мы изложили методологические принципы так называемой *феноменологической поэтики* [Барыкин, 2021]. Опираясь на них, рассмотрим в данной работе феноменологическую специфику названия первой книги Пастернака, ее концептуальную образную модальность.

Можно сказать, что «Близнец в тучах» является своеобразным генетическим кодом последующего творчества поэта. Подобного рода абсолютизация обусловлена феноменологически: источник творческой сущности содержит в себе априорно данные структуры актуализации образности. А так называемая эволюция художественного сознания обусловлена не качественно новым видением, а лишь открывающимися возможностями его формальной выраженности и, быть может, сменой ценностных ориентиров.

Результаты и обсуждение

Феноменологический анализ образности позволяет, отбросив самоценные эксперименты со словом, выявить структурно обоснованные интенции автора, границы экзистирования художественного сознания.

Наиболее важным в плане изучения интенциональности оказываются самоопределения лирического субъекта, пытающегося в подобного рода рефлексии идентифицировать себя, приблизиться к пониманию собственной творческой сущности, проверить ее на состоятельность и жизнеспособность. В этом отношении примечательным является тот факт, что поэт, следуя романтической традиции, подчеркивает свое кровное родство с божественным началом жизни, претендуя на роль «сына бога». Однако такое родство, осмысленное мифически, осложняется темой «братства».

В основе поэтики книги лежит реконструкция мифа о Диоскурах, двух братьях-близнецах — Касторе и Полидевке (Поллуксе (римск.)), выполняющих космогоническую функцию (ср. мифологему Мирового яйца и яйца Леды (возникшего от ее связи с Зевсом), две половины которого олицетворяют Диоскуры). Они осуществляют мировой циклический процесс, символизируют собой периодическую смену жизни и смерти, света и мрака [Тахо-Годи, 1987, с. 383], а также соединения всего преходящего с вневременным, человеческого с божественным [Генон, 1997, с. 162–163], хтонического с духовным (Э. Нойман) [Джексон, 1997, с. 200]¹.

¹ Существует миф о похищении братьями-близнецами Кастором и Полидевком дочерей Левкиппа — Фебы и Гилэиры, просватанных за Иданта и Линкея соответственно. При преследовании Кастор пал от руки Иданта, Линкей — от руки Полидевка. Тогда Зевс убил молнией Иданта, вступившего в бой с Полидевком, и позволил последнему иметь общую долю с горячо любимым им братом: один день оба они живут на Олимпе, в другой — в подземном царстве (данный вариант мифа взят из пятой книги «Фаст» Овидия. См. также комментарий В. Алексеева к книге Овидия «Наука любить». М.: МП «Вернисаж», 1992. С. 181–182).

«Брат-близнец» является вторым «я» лирического героя, его самообъективацией. Сущностный конфликт между божественным и человеческим, а также (исходя из художественной концепции книги) вечным и временным положил начало интенциональности творческого сознания. Конфликт, движимый собственным разрешением, по всей видимости, стремится повернуть космогонический процесс вспять, достичь изначальной нерасчлененности творческой сущности. Именно ее поляризация, ставшая основой конфликта, создает условия для космогонического диалога двух субъектов сознания: «я» поэта и его alter ego. Последний (логически предположить, что это Поллукс) является тем трансцендентным субъектом (внутренне ощущаемым самим поэтом), который упорядочивает космогонический процесс, организует его в пределах творческой рефлексии.

В названии книги обращает на себя внимание апелляция к символистской традиции, в частности к ее концепции двоemiрия, противопоставления истинного, идеального мира — несовершенному, миру «грубых веществ». Позиция «близнеца» указывает на его причастность небу, божественному топосу, атрибутивный признак которого — «тучи» — подразумевает несколько толкований. Напомним, что первоначальный вариант названия был «Близнец за тучею» (большая степень трансценденции героя).

Отметим, что традиционно «тучи» воспринимались как предзнаменование несчастий и катастроф, грядущих перемен в апокалиптическом смысле, в противоположность же им «облака» символизируют явление божества, в «клубящемся» состоянии они выражали «связь неба и земли, бога и человека, истины и ее вопрошания» [Громов, 1989, с. 200]. Конечно, учитывая основную, космогоническую тематику книги такое прочтение образа «туч» имеет определенное основание, тем более один из главных мотивов стихотворений — мотив смерти. Однако такое понимание названия книги справедливо лишь отчасти; здесь «тучи», скорее всего, — метафорическое обозначение препятствия для установления непосредственного контакта человека и божества, также они («тучи») могут быть восприняты как знак жертвенной судьбы поэта, его — следуя романтическим представлениям — «крестной» миссии, о чем, кстати, свидетельствует драматически осознаваемая героем собственная инициация.

Кроме этого, «тучи», вполне возможно, символизируют тайну предназначения поэта быть связующим звеном между человеком и богом, землей и небом, временем и вечностью. Лирический герой, выразитель авторской позиции, является отражением собственной идеи — «близнеца» — принадлежащей трансцендентному, истинному миру. Он в прямом смысле чувствует свою причастность этому миру, кровную связь с ним, но, главное, благодаря родственной близости божеству он потенциально владеет истинным знанием Слова, и «тучи» в данном отношении — необходимая преграда (заслоняющая явность истины), которая является существенно важным условием для постоянного «вопрошания» истины, актуализирующей творческую процессуальность.

Помимо сказанного, стоит признать еще один смысловой подтекст названия книги. На протяжении всего творчества поэт обращается к теме дождя, раскрывающей его понимание творческой сущности природы, преобразующая сила которой — в водном источении (следует заметить, водоточие — характерная примета поэтического мира Пастернака), ассоциативно уподобляется действиям художника. В связи с этим можно

сказать, что образ «туч» метафорически предрешает творческий процесс, не случайно «дождь» у Пастернака художественно осмысливается как некое откровение высших сил.

В таком значении название «Блинец в тучах» можно считать образным определением скрытых (но подразумевающих свою потенциальную реализацию) созидательных способностей поэта. А его божественная данность — наитие — усматривается в идентификации лирического героя-субъекта через образ «бога-близнеца» («я» как демиург). Симптоматично, что это название первой книги стихов — «предтечи» дальнейшего творчества поэта.

В ней примечательна и позиция главного героя. Он представлен в центре лирического пространства — сакральной точки исхода космогонического процесса. Вообще в мифопонимании герой как воплощение бога,

«сам является центром мира, пуповиной, через которую энергии вечности вливаются во время <...> символом непрерывного сотворения; таинства поддержания мира вечным чудом обновления, которое бьет ключом во всех вещах» [Кэмпбелл, 1997, с. 46].

Положение пастернаковского героя в центре (а это архаичный образ Эдема и его различных метафорических заместителей в функциональном отношении (сада, дома, вокзала, раковины)) означает его всеприсутствие (неслучайно многими исследователями отмечается пантеистический характер авторского «я»). Благодаря такому местонахождению лирический герой обретает способность созерцать вещный мир в свете вечности. Однако чувствующий себя на «учете» сам герой является объектом созерцания природы в ее персонифицированном виде. В этом отношении Пастернак наиболее близок Тютчеву. По наблюдению Ю. М. Лотмана,

«парадоксальная способность» последнего «разделять „я“ на того, кто смотрит, и на того, на кого смотрят <...>, меняя местами местоимения приводит к уникальному в лирике совмещению центра пространства и его границы» [Лотман, 1996, с. 584].

Так называемая всезрящность внешнего мира фокусируется на герое-субъекте, чье видение по этой причине становится амбивалентным: с одной стороны, у него возникает способность всеобъемлюще созерцать, видеть окружающее «глазами» самого мира (не стоит забывать, что сущность лирического «я» во многом определяема ее непосредственной близостью к порождающему этот мир божественному принципу); с другой стороны, герой оказывается в положении своеобразного объекта концентрации созерцания природы, он на горизонте ее видения; и здесь, заметим, имеет место в отношении специфики организации художественного пространства закон обратной перспективы. Выходит, что лирический субъект в своем объективированном (тождественном природе) состоянии способен узреть себя в конкретном человеческом проявлении. Таким образом, получается одновременное переживание себя в имманентном и трансцендентном качестве. Вообще эта двунаправленность познавательного процесса — «я» и субъект, и объект собственного видения — является важным условием цикличного состояния рефлексивной идентификации творческой сущности.

На принадлежность героя к космогоническому центру указывает его вертикально ориентированная экзистенция пути (роста, полета). В текстовом отношении мы имеем

дело с актуализацией образности, преимущественно нацеленной на парадигматическую заданность. Данную особенность — «перманентную нацеленность текста на „проверку заново“ пройденных кусков (т. е. педализация его парадигматического чтения)» — констатировал Л. Флейшман [Флейшман, 1993, с. 127].

Доминирование вертикальной координаты в организации художественного пространства в феноменологическом аспекте может означать попытку интенциональности поэтического сознания осмыслить преходящее через вневременное — тем самым утвердить незыблемый характер творческого состояния, его настроенность на субстанциальность, космогонический первоисточник. Устремленность вверх — осознание поэтом своей божественной природы как непрекращающегося откровения, не знающего временных пределов. Онтологически такой характер направленности означает желание героя-субъекта воссоединиться со своим божественным «близнецом», чтобы приблизиться к постижению себя в изначальной целостности, субстанциальной нерасчлененности со своим alter ego, — что в конечном итоге должно привести к полноте феноменального переживания сущностного свойства Слова.

Близнецы

Название рассматриваемой книги в большей степени находит свое расширенное образное воплощение в стихотворении «Близнецы»: в письме к Н. В. Завадской от 25 декабря 1913 г. поэт говорит, что это стихотворение «объясняет заглавие [сборника. — А. В.] или, по крайней мере, — ответственно за него» [Пастернак, 1992, Т. 5, с. 79].

Парадигматический строй этого текста включает в себя разные условия процесса идентификации лирического субъекта: единое целое с «другим», автономность, диалог, автокоммуникация, дистанцирование, противопоставление. Уже с первых строк заявляет о себе самосознание героя в нерасторжимом единстве с «другим»:

Сердца и спутники, мы коченеем,
Мы — близнецами одиночных камер.
Чья ж косы горящим Водолеем,
Звездой ложа в высоте я замер?

[Пастернак, 1989, Т. 1, с. 437]

В этой строфе встречаются наименования, указывающие на родственную и онтологическую близость героев, однако имеющий место образ «камер» подчеркивает некую их разъединенность. «Камеры» в метафорическом смысле — это места «заключения», понимаемого как несвободы данных героев — Кастора и Поллукса — в своих действиях, обязательного выполнения возложенных на них провидением функций сохранения миропорядка (о такой их роли было сказано ранее): «И коченеющий близнец граничит / С твоею мукой, стерегущий Кастор». Каждый из них одновременно стоит на страже другого и чувствует свое экзистенциальное «заточение» в «камере» собственного бытия.

Пространственная дистанция между героями и ощущаемая ими внутренняя связь являются необходимым условием поддержания космогонического процесса. Его ценностно-смысловая значимость определяется их любовью друг к другу, понимаемой

как сила установления гармонии, противостояния «хаосу» «иных влюбленных»: «Вокруг — иных влюбленных верный хаос, / Чья над уснувшей бездыханна стража...». В этих строках принципиально важен образ «уснувшей стражи» (состояние, приведшее к «хаосу»), противопоставленный «бодрствующим братьям». Они, с одной стороны, представлены в виде вечного символа — созвездия Близнецов (в начальной строфе также заявлен «Водолей» — созвездие, имеющее прямое отношение к судьбе поэта), с другой стороны, — как живые существа, принимающие непосредственное участие в космологизации мира.

В самом начале стихотворения наблюдается отождествление лирического субъекта со «звездой»; далее он обращается к себе как к Кастору (напомним, с ним связан человеческий аспект), но вместе с тем предъясняет себя (тем более, если учитывать контекст всего произведения) в качестве повсеместной универсальной экзистенциально-рефлексивной сущности. На земном уровне лирический субъект обращает взор на небо, апеллирует к своему второму, божественному «я», «Поллуксу»: «Я оглянусь. За сном оконных фуксий / Близнец родной свой лунный стан просыпал. / Не та же ль ночь на брате, на Поллуксе...». Этот герой поначалу предстает как третье лицо, трансцендентный, недостижимый субъект. Но далее лирическое «я» обращается к нему как экзистенциально «близкому» и в то же время — бытийно «далекому», однако, в любом случае, сущностно не определенному для вопрошающего (в конечном счете, себя) сознания: «Но где твой стан, что ты гнетешь и гонишь, / Гнетешь и гнешь, и стонешь высотой?». Эту обращенность можно представить в значении творческой авторефлексии поэта. Риторический вопрос, затрагивающий его миссию, не подразумевает ответа (симптоматично повторение в контексте всей книги мотива «блуждания»), он очевиден только в реализации самой судьбы творца, который не может не созидать, а также окончательно удовлетвориться созданным (ср. «гнетешь», «гнешь», «стонешь»).

Судьбоносная роль отводится переживаемому лирическим героем конфликту своего «я», насущного (не устраивающего себя) со своим же «я», неизвестным, потенциально идеальным. Родство с «божественным братом», изначальное с ним единство, дает возможность лирическому герою, будучи заключенным в «камеру» эмпирики, видеть себя в перспективе явления истины, в со-творчестве с «братом», который всегда остается «на страже» вдохновения.

Близнец на корме

В стихотворении «Близнец на корме» [Пастернак, 1989, Т. 1, с. 438] продолжает развиваться тема родственной связи лирического героя с трансцендентной действительностью. Эта связь станет очевидной в конце жизненного пути героя-субъекта, когда он уподобится звездам: «Сородичем попутных звезд / Уйду однажды и навеки». Лирическое «я» дает своеобразное завещание, адресованное, по-видимому, «звездам», хотя, вполне вероятно, и (учитывая поэтическую традицию) потомкам, которые должны, следуя логике контекста, творения поэта предать забвению: «Моим глаголом, теплом губ, / Тогда найденьшиа насытьте». Здесь наблюдается абсолютно противоположный исконному представлению смысл «глагола» — не созидающего, а «погребаящего» явления;

«пепел губ» — словесный прах для безымянной могилы «поэта-найденыша» (переосмысление образа «нерукотворного памятника»). Можно сказать, в этих строках Пастернака заявлена тема погребения творца в его творениях. В плане экзистенциальных определений интерес вызывает лексема «найденыш», свидетельствующая, скорее всего, об отсутствии у героя онтологической основы с земным миром, однако пока недостижимый «небесный» мир являет собой «вечную» родину, «отчий дом» поэта-скитальца. Лирический герой предстает перед нами в состоянии раскрытия своей истинной, далекой от земных измерений, сущности. Он проходит путь преобразования в ночном плавании, преодолевая «эмпирические» препятствия.

В начале стихотворения есть строки «*Так никнут над мечтою веки*»; они поднимают тему несбывшейся мечты, нереализованности себя в полной мере. Путь вперед не дает ясной перспективы для вечной жизни героя, он должен повернуть время вспять, чтобы вновь ощутить прошлое, понять смысл действий себя былого. Поэтому герой видит своего «двойника-близнеца» именно на «корме» — задней части корабля: «*Близнец мне виден на корме, / Застывший в безвременной астме*». Местоположение «близнеца», помимо всего прочего, указывает на неприкаянность самого лирического субъекта, в данный момент он «между небом и землей», стремится ощутить свою автономность по отношению ко всему окружающему и тем самым оказаться в ситуации «безвременья». Образ «астмы» дает представление о постепенной агонии лирического субъекта в качестве «близнеца» (объективированный взгляд на себя), но и некоего озарения как видения «себя» в «близнеце».

Применительно к контексту важно вспомнить, что Кастор и Поллукс являлись покровителями мореходов (например, в «Илиаде» Гомера). В представленных строках «близнец» — покровитель лирического субъекта в «жителейском море», мире «зловещей полутьмы» (поэтому творения поэта — «пепел губ», не имеющий ценности в этом мире). Традиционный романтический мотив плавания как поиска гармонии, «обетованной земли» оборачивается в данном стихотворении поиском героя себя истинного как онтологически и экзистенциально целостного, возможного только в единстве с «близнецом» (гармонии в «обетованном небе»).

Странствие же (в любом его проявлении) метафизически соотносится с инициатическим ритуалом, «испытанием», в ходе которого посвящаемый должен обрести состояние высшего преображения. Учитывая, что Диоскуры были в числе аргонавтов, которые (исходя из символики мифа [Fulcanelli, 1964, с. 24–25] являются адептами, посвященными в сокровенные законы, можно дать иное понимание сущности лирического героя: инициатическая смерть себя былого и получение статуса неопита-«найденыша», овладевающего таинственным знанием «арго». В данном случае образ Золотого Руна (появляющегося в стихотворении «Ночное панно» этой книги [Пастернак, 1989, Т. 1, с. 449]) есть символическое выражение священной жертвы лирического героя и получения им откровения истинного Слова, осуществляющего космогонический ритуал.

Сердца и спутники

Последнее произведение книги «Сердца и спутники» [Пастернак, 1989, Т. 1, с. 450] (являющееся прямым продолжением стихотворения «Близнецы» [Пастернак, 2004, с. 103]) подводит своеобразный итог актуализации основной идеи всей книги, заключающейся в творческом подтверждении кровного родства человека и мира, поэта и его «божественного» двойника. В данном стихотворении наблюдается установление космогонической гармонии как со-братства «земного» и «небесного» субъектов, которые, в сущности, являются двумя ипостасями авторского «я».

Образ «города» в книге представлен в персонифицированном качестве. Он выступает как «рукотворный Эдем», место, где остается неизбежным контакт лирического субъекта с подразумеваемым запредельным его «двойником». «Город» также воспринимается лирическим «я» как личностно переживаемое проявление творческой самости. В метафорическом видении он — некий «дом» (со всеми необходимыми для него атрибутами: «дверью», «мебелью», «балконом»), интимное пространство рефлексивного экзистирования героя-субъекта, отличающегося гипертрофированной направленностью к обустройству всего мира.

Важную роль в отношении пространственной определенности играет оппозиция «здесь — там», соответствующая временной характеристике «полдень (наивысшая точка творческой актуализации) — сумерки». «Там» — местоименное обозначение трансцендентного мира, где пребывает «звездный близнец» лирического героя, а «здесь» — место бытийствования последнего в статусе «звездочета», постоянно поддерживающего контакт со своим «небесным» братом. Их умопостигаемая онтологическая связность является залогом сохранения космогонического порядка. Этому также служит «память», способная держать своеобразную «оборону» перед хаосом, ее утрата лишает «сердца» основательной закреплённости в бытии: *«В беспамятстве гибельных гребель / Лишатся сердца обороны / И спутников скажется власть...»*.

Состояние «на страже» космоса, неизбежной бдительности выражается образом «бессоницы обсерваторий» — нескончаемого творческого «бодрствования». Контакт земли и неба сопрягает реалии окружающего мира, сообщая им направленность «вверх»: «город» «воздет, как высшая снасть». Этим преодолеваются условности бытия, актуальными становятся законы абсолютной гармонии; достигается цель творческого процесса: преобразить окружающий мир по образу и подобию мира истинного. В «городе-причуднике» наблюдается смешение в единую преобразующую субстанцию различных космических и земных проявлений. «Человек» и его «звездный брат» — два полюса космологизации, берущей свое начало из сакрального места — «Сердца», в нем все явленное и потенциально возможное «заряжается» чувством — связующим экзистенциально ценным элементом всего сущего.

Основной смысл произведения выражен в последних строках: *«Два голоса в песне, мы скажем: / „Нас двое: мы — Сердце и Спутник, / И надвое тот и другой“»*. «Песня» есть со-гласие в Слове и со-творчество Слова, слияние двух субъектов в единое создаваемое «мы». «Сердце» и «Спутник» — онтологически и экзистенциально зависимые субстанции, каждая из которых в себе являет это же единство «двух»;

переживание такого единства носит одновременно имманентный и трансцендентный характер. Два «брата-близнеца» — законодатели мировой гармонии, которая немыслима без их участия. Лирический субъект переживает «братское» единство в себе как феноменальную очевидность, что знаменует собой достижение творческой сущностью высшего предела саморефлексии.

Заключение

По поводу «Близнеца в тучах» в одном из писем Пастернак признался: «пределы книжки — мои собственные пределы» [Пастернак, 1992, Т. 5, с. 79]. Действительно, в ней представлены все возможные способы актуализации лирического субъекта, разные «пределы» созидательной рефлексии поэта, его интенциональности в выявлении феномена первозданного Слова.

В целом можно сказать, что поэт пытается познать собственную творческую сущность через соучастие с «богом-братом» в космогоническом акте Слова. Стихотворения демонстрируют онтологическую проявленность истинного, трансцендентного «я» поэта, утверждающего гармонию субстанциального единства с божественным принципом. Герой-субъект стремится к восприятию своей онтологической целостности (немыслимой без контакта со своим идеальным alter ego) и экзистенциальной полноты, достигаемой за счет всевозможных проявлений природной цикличности (в книге даны все уровни пространственной организации, все стихии, времена года, явления суток), различных эмоциональных разрядок («плач», «восторг», «грусть», «смех» и др.), «центробежной» и «центростремительной» направленности в развитии образов.

Отмеченная полнота, так или иначе, обусловлена авторской интенцией достижения творческой универсальности собственного «я». Экзистирование художественного сознания можно представить в трех основных аспектах:

- 1) *онтологическом*, связанном с полнотой, которая усматривается в единстве лирического субъекта с миром, одновременное ощущение «себя в мире» и «мира в себе»; это уровень *экстериоризации* лирического сознания (проявляющийся в мотиве «восхождение-нисхождение», пространственных ориентирах «небо — земля (море)», «центр — периферия», периодичности природных явлений);
- 2) *гносеологическом*, являющим полноту авторской рефлексии, возможной через диалог с другим «я», посредством которого и происходит самоидентификация лирического субъекта; это уровень *интроспекции*, направленности в глубины собственного сознания (в данном случае актуальны оппозиции: «конфликт — преодоление конфликта», «чуждость — родство», «одиночество — единение с «другим», «наличествующее — долженствующее», «индивидуальное — общеродовое»);
- 3) *метафизическом*, рассматривающим полноту в значении воссоединения с божественным началом, идентификации лирического субъекта со Словом-Логосом, достижения самосознания феноменального «я», для которого характерно

одновременно имманентное и трансцендентное экзистирование; это уровень феноменологической цели — тождественности (неразличимости) «я» субъекта-героя, «я» объекта-мира, что является самоидентичностью персонализированного Слова (образность в данном случае есть его (Слова) онтологическая рефлексия, имеющая место, как правило, в последних строках какого-либо произведения); однако у Пастернака при таком высшем тождестве сохраняется установка на диалог с трансцендентным началом, поддержание «двуголосности» лирического субъекта.

Единство имманентного и трансцендентного экзистирования, скорее всего, обусловлено стремлением лирического субъекта к бесконечному процессу своей манифестации в «высшем другом» (брате-близнеце). В этом случае уместно провести аналогию со словами М. Бахтина: «Бог одновременно во мне и вне меня, моя внутренняя бесконечность и незавершенность полностью отражена в моем образе, и его вненаходимость также полностью реализована в нем» [Бахтин, 1997, с. 68] (ср. также с пространством «себя», «другого-еще» в бахтинской концепции как «метафорой трансцендентального означаемого — Бога» [Липовецкий, 2006, с. 29]).

Лирический субъект проходит процесс идентификации через такие условия, как *дистанцирование, автономность, диалог, автокоммуникация*. При этом структура интенциональности авторского сознания может быть представлена в логической последовательности следующих процессов феноменологизации: *противопоставление, сопоставление, отражение, слияние, тождество, растворение, «единосущее» авторского и божественного самосознания*.

Список источников

- Барыкин А. В. 2008. Самоидентификация лирического субъекта в стихотворении Б. Пастернака «Лесное» // От текста к контексту: межвузовский сборник научных работ. Ишим. Вып. 7. С. 99–101.
- Барыкин А. В. 2021. Феноменологическая поэтика лирического произведения (методологический аспект) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 7. № 3(27). С. 73–86. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2021-7-3-73-86>
- Бахтин М. М. 1997. Риторика в меру своей лживости... // Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: Русские словари. Т. 5. С. 63–70.
- Венцлова Т. 1997. О некоторых подтекстах «Пиров» Пастернака // Венцлова Т. Собеседники на пиру: статьи о русской литературе. Baltos Lankos. С. 199–211.
- Вроон Р. 1998. Знак Близнецов: Опыт интерпретации первого сборника стихов Б. Пастернака // Пастернаковские чтения. М.: Наследие. Вып. 2. С. 334–354.
- Гаспаров М. Л. 1990. «Близнец в тучах» и «Начальная пора» Б. Пастернака: от композиции сборника к композиции цикла // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 47. С. 142–147.
- Гаспаров М. Л., Поливанов К. М. 2005. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 143 с.

- Генон Р. 1997. Символы священной науки. М.: Беловодье. 496 с.
- Громов М. Н. 1989. К истолкованию апокрifa о сотворении Адама // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука. С. 255–261. Т. XLII.
- Джексон Г. 1997. Мужчина и мужчина. Психоанализ взаимоотношений М.: ЧеРо. 298 с.
- Кэмпбелл Дж. 1997. Тысячеликий герой. М.: РЕФЛ-бук; Киев: АСТ. 378 с.
- Липовецкий М. И., Сандомирская И. И. 2006. Как не завершить Бахтина? Переписка из двух электронных углов // Новое литературное обозрение. № 3(79). С. 86–100.
- Лотман Ю. М. 1996. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство — СПб. 848 с.
- Мирецкая Е. Б. 1992. Маяковский и Пастернак 1910–20-х гг.: к проблеме соотношения поэтических миров // Быть знаменитым некрасиво... Пастернаковские чтения. Вып. 1.
- Пастернак Б. Л. 1989–1992. Собрание сочинений: в 5 тт. М.: Худож. лит.
- Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. 2004. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Изд-во журн. «Звезда». 524 с.
- Поливанов К. М. 1996. «Хор» Пастернака: опыт комментария // Литературное обозрение. № 4. С. 50–55.
- Тахо-Годи А. А. 1987. Диоскуры // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 тт. М. Т. 1. С. 383.
- Флейшман Л. 1993. Фрагменты «футуристической» биографии Пастернака // Исследования американских ученых. СПб.: Петро-РИФ. С. 544–585.
- Fulcanelli. 1964. *Le Mystère des Cathédrales*. Paris.

References

- Barykin, A. V. (2008). Self-identification of the lyrical subject in B. Pasternak's poem "Lesnoe". In *From Text to Context: An Interuniversity Collection of Scientific Papers* (Vol. 7, pp. 99–101). [In Russian]
- Barykin, A. V. (2021). Phenomenological poetics of a lyric work: methodological aspect. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 7(3), 73–86. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2021-7-3-73-86> [In Russian]
- Bakhtin, M. M. (1997). Rhetoric to the best of its falsity... In M. M. Bakhtin. *Collected Works* (Vol. 5, pp. 63–70). *Russkie slovari*. [In Russian]
- Ventslova, T. (1997). About some of the subtexts of Pasternak's "Feasts." In T. Ventslova. *Interlocutors at the Feast: Articles about Russian Literature* (pp. 199–211). Baltos Lankos. [In Russian]
- Vroon R. (1998). Sign of the Twins: the experience of interpreting the first collection of poems by B. Pasternak. In *Pasternakovskie chteniya* (Vol. 2, pp. 334–354). [In Russian]
- Gasparov, M. L. (1990). "The Twin in the clouds" and "The initial time" by B. Pasternak: from composing the collection to composing the cycle. *Izvestiya AN SSSR. Literature and language*, 47, 142–147. [In Russian]
- Gasparov, M. L., & Polivanov, K. M. (2005). "Twin in the clouds" by Boris Pasternak: *The Experience of Commentary*. Russian State University for the Humanities. [In Russian]
- Guenon, R. (1997). *Symbols of Sacred Science*. Belovodye. [In Russian]
- Gromov, M. N. (1989). To the interpretation of the apocrypha about the creation of Adam. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature, XLII*, 255–261. [In Russian]

- Jackson, G. (1997). *Man and Man. Psychoanalysis of Relationships*. Chero. [In Russian].
- Campbell J. (1997). *The Hero with a Thousand Faces*. REFL-book; AST. [In Russian]
- Lipovetskiy M. I., & Sandomirskaya I. I. (2006). How not to complete Bakhtin? Correspondence from two electronic corners. *New Literary Observer*, (3), 86–100. [In Russian]
- Lotman, Yu. M. (1996). *About Poets and Poetry*. Art-SPb. [In Russian]
- Miretskaya, E. B. (1992). Mayakovsky and Pasternak in 1910–1920s: to the problem of relating poetic worlds. In *It Is Ugly to Be Famous... Pasternak's Readings* (Vol. 1). [In Russian]
- Pasternak, B. L. (1989–1992). *Collected Works in 5 vols. Khudozhestvennaya literatura*. [In Russian]
- Pasternak, E. B., & Pasternak E. V. (2004). *The Life of Boris Pasternak*. Zvezda. [In Russian]
- Polivanov, K. M. (1996). Pasternak's "Chorus": the commentary. *Literary Review*, (4), 50–55. [In Russian]
- Takho-Godi, A. A. (1987). Dioscuri. In *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia in 2 vols.* (Vol. 1., p. 383). [In Russian]
- Fleyshman, L. (1993). Fragments of Pasternak's "futuristic" biography. In *Studies of American Scientists* (pp. 544–585). Petro-RIF. [In Russian]
- Fulcanelli. (1964). *Le Mystère des Cathédrales*. Paris.

Информация об авторе

Алексей Валентинович Барыкин, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия
barykin.aleksej@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9799-8748>

Information about the author

Alexey V. Barykin, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor of the Russian Language Department, Tyumen Higher Military Engineering Command School Named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov
barykin.aleksej@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9799-8748>

Образ Москвы в книге Наринэ Абгарян «Понаехавшая»

Наталья Александровна Гриднева

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия
Контакт для переписки: n.gavrilina83@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изображению Москвы в книге известной современной писательницы Наринэ Абгарян «Понаехавшая» (2011). Цель исследования — раскрытие специфики образа российской столицы середины 1990-х гг., где разворачиваются основные события рассказываемой истории, во многом автобиографической. Поэтика пространства в произведениях Наринэ Абгарян является важным направлением в изучении ее творчества, однако до сих пор книга «Понаехавшая» в данном ракурсе не рассматривалась, что определяет актуальность исследования. Специфика образа Москвы раскрывается в статье через анализ ключевых для произведения московских локусов (Петровки и гостиницы «Интурист»), а также персонажей-москвичек (начальницы Понаехавшей О. Ф. и квартирной хозяйки тети Поли), выступающих для героини главными помощницами в «освоении» Москвы. Петровка, с описания которой начинается книга, открывает перед читателем погруженную в кризис Москву. В этом образе находят отражение важные социокультурные реалии того времени: стихийная уличная торговля, запущенный городской ландшафт, массовая бедность, не виданные ранее импортные товары, слишком дорогие для большинства горожан, и др. Героиня, спешащая по Петровке на собеседование в банк, предстает в пространстве нового для нее города растерянной, беспомощной, чужой. Образ гостиницы «Интурист», ранее бывшей символом прогресса и технического совершенства, а ныне обедневшей и оказавшейся под угрозой сноса, обнаруживает сходство с недавно распавшимся СССР, также долгое время считавшимся передовым и перспективным проектом. Образы москвичек О. Ф. и тети Поли, которые берут опеку над героиней, актуализируют традиционные представления о Москве как о городе-женщине и ассоциируемые с женским началом такие качества, как душевность, радушие, заботливость. Связанные с этими образами пространства (пункт обмена валют, где работает героиня, и квартира, где она снимает комнату) оказываются пространствами доверия, близости, защищенности, поддержки и становятся для Понаехавшей «ее» Москвой.

Ключевые слова: Наринэ Абгарян, «Понаехавшая», образ Москвы, московский текст, локальный текст, геопэтика, современная русская литература

Цитирование: Гриднева Н. А. 2023. Образ Москвы в книге Наринэ Абгарян «Понаехавшая» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 2(34). С. 54–68. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-54-68>

Поступила 18.02.2023; одобрена 28.02.2023; принята 18.06.2023

The image of Moscow in Narine Abgaryan's *The Newcomer*

Natalia A. Gridneva

Samara State Technical University, Samara, Russia
Corresponding author: n.gavrilina83@mail.ru

Abstract. This article examines the portrayal of Moscow in the book *The Newcomer* (2011) by Narine Abgaryan. This study aims to identify the distinctive features of Moscow's image during the 1990s, when the story takes place. The study of the poetics of space in Narine Abgaryan's works is an important aspect of understanding her creativity. However, *The Newcomer* has not yet been analyzed from this perspective. This article explores the specific image of Moscow by examining key locations, such as Petrovka and the "Intourist" hotel, as well as the characters of O. F. and Aunt Polly, who play crucial roles in the protagonist's exploration of the city. Petrovka, described at the beginning of the book, portrays Moscow in crisis, reflecting the socio-cultural realities of the time, including street trading, neglected urban landscapes, mass poverty, and expensive imported goods. As the protagonist rushes along Petrovka for a job interview at a bank, she feels lost, helpless, and alienated in this unfamiliar city. The image of the "Intourist" hotel, once a symbol of progress and technical excellence, now represents impoverishment and the threat of demolition, mirroring the disintegration of the USSR, which was once seen as a promising project. The characters O. F. and Aunt Polly embody traditional representations of Moscow as a nurturing city-woman, associated with qualities such as warmth, hospitality, and care. The spaces connected to these characters, such as the currency exchange point and the rented apartment, become places of trust, closeness, security, and support, forming "her" Moscow for the protagonist in *The Newcomer*.

Keywords: Narine Abgaryan, *The Newcomer*, image of Moscow, Moscow text, local text, geopoetics, contemporary Russian literature

Citation: Gridneva N. A. (2023). The image of Moscow in Narine Abgaryan's *The Newcomer*. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(2), 54–68. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-54-68>

Received Feb. 18, 2023; Reviewed Feb. 28, 2022.; Accepted Jun. 18, 2023

Введение

Поэтика пространства в произведениях Наринэ Абгарян привлекает внимание многих исследователей. Чаще всего предметом изучения становится образ родного армянского города писательницы — Берда, который долгие годы служит ей источником вдохновения и в котором разворачиваются сюжеты нескольких ее произведений.

Между тем Москва, куда Наринэ Абгарян переехала в 1993 г. из воюющей Армении, сыграла и продолжает играть не менее важную роль в ее жизни. Она признается: «Я уверена, что именно Москва сделала меня писателем, и ей за это благодарна» [Абгарян, Стулова, 2020]. Теме «покорения» российской столицы Наринэ Абгарян посвящает книгу «Понаехавшая», во многом автобиографическую. Здесь Москва оказывается не просто фоном. Уже «имя» героини — то, под которым она фигурирует в книге и которое выносится в заглавие, — указывает на определяющую (можно сказать — сущностную) для нее роль взаимоотношений с российской столицей на взятом отрезке жизненного пути.

Цель данной статьи — раскрытие специфики образа Москвы в книге Наринэ Абгарян «Понаехавшая». В центре нашего внимания оказываются, в частности, ключевые для художественного пространства произведения московские локусы, вписанные в конкретные исторические координаты, и персонажи-москвички, в значительной степени определяющие восприятие Москвы героиней. Предметом анализа становятся образы и эпизоды, связанные с ландшафтными, социокультурными и культурно-историческими особенностями Москвы 1990-х гг., т. е. теми характеристиками, которые в своей совокупности определяют своеобразие художественной картины мира, выстроенной в парадигме геопоэтических описаний [Александрова-Осокина, 2020, с. 219].

Обзор литературы

Проблемы, связанные с художественным осмыслением пространства и пространственной организацией литературных произведений, всегда находились в центре внимания исследователей. Особое место здесь занимают художественные произведения, имеющие географически маркированное место действия, специфика которого в значительной степени определяет их тематику, проблематику, символику, систему образов и мотивов.

Традиционно в отношении семиотики отдельного географического пространства и ее отражения в искусстве ведется речь о некоем «локальном тексте», под которым понимается «совокупность растиражированных в культуре и словесности представлений о месте, деталей этого места, прецедентных единиц речи, фольклора, мифологии,

образов знаковых личностей — с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками» [Шафранская, 2017, с. 22].

Заметим, что использование термина «локальный текст», как и других понятий, связанных с «интеллектуальным и эстетическим освоением географических территорий, ландшафтов, топографических мест» [Сид, 2015, с. 153] («геопозэтика», «культурная география», «гуманитарная география», «образная (имагинальная) география», «метафизическая география», «метагеография», «геокультурология», «картография культуры» и др.), до сих пор остается весьма вольным и даже противоречивым. Однако продолжающаяся работа в этом направлении говорит о его актуальности и перспективности. В последние годы мы наблюдаем новый виток развития литературно-регионоведческих исследований, которые обретают всё более концептуальный и целостный характер, вскрывают новые культурные смыслы изучаемых географических локаций. Среди наиболее значимых работ, рассматривающих геопозэтику региональных текстов, — труды о произведениях, связанных с Русским Севером, Крымом, Сибирью и Уралом [Власова, Ведерников, 2019; Кораблев, 2019; Трубицина, 2019; Созина, 2020; Бурцева, 2021; Цвигун, Черняков, 2022].

Среди прочих локальных текстов особое место, конечно, занимает «московский текст». Его изучение позволило выявить целую систему культурных кодов, связанных с развиваемым в его пространстве московским мифом: Москва осмысливается как город-спаситель, город-храм (миф о Третьем Риме), город-женщина, город на крови (миф о клятвопреступлении) и т. д. Выделены отдельные периоды в истории «московского текста». Если в петровскую эпоху и долгое время потом миф о Москве оказывается в тени петербургского мифа и «московский текст»¹ развивается в русле быто- и нравоописания, то в XX в. он «начинает восприниматься в единстве мифопоэтических, топонимических и топографических, ландшафтно-климатических и знаково-символьных составляющих» [Селеменова, 2015, с. 94]. В XXI в. «московский текст» продолжает обнаруживать ставшие традиционными для него мифопоэтические черты, но в то же время уже отражает новые реалии и изображает Москву как «имперскую обманку», сулящую быстрый карьерный успех и личное благополучие, но в итоге погружающую героя в офисное рабство и доведенное до автоматизма существование [Немзер, 2003, с. 193].

Москва — одна из центральных точек в системе российских геомифологических координат и один из ключевых пространственно-географических образов русской литературы. «Московский текст» имеет обширнейшую библиографию, среди его создателей значатся такие авторы, как Л. Н. Толстой, А. Белый, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, А. П. Платонов, М. А. Булгаков, Б. Л. Пастернак, И. А. Бунин, Ю. В. Трифонов, В. С. Маканин, В. А. Гиляровский, Ю. М. Поляков, М. И. Цветаева, С. А. Есенин, О. Э. Мандельштам, А. А. Вознесенский, С. А. Шаргунов, Р. В. Сенчин, О. А. Славникова, Е. В. Гришкoveц, Д. М. Липскеров и др. Именно их творчество находится в центре внимания исследователей, занимающихся изучением образа Москвы в русской литературе [Селеменова, 2009; Рощина, 2012; Егорова, 2019; Ибадова, 2020; Новикова, 2020; Сяся, 2022].

¹ За исключением творчества Л. Н. Толстого, наполнившего образ Москвы глубоким историко-ософским содержанием и сделавшего его символом соборности и патриотизма.

Книга Наринэ Абгарян «Понаехавшая» до сих пор в данном ракурсе не рассматривалась, хотя проблематика, связанная с пространством, можно сказать, составляет отдельное направление в изучении творчества писательницы [Кузьминых, Вязовская, 2019; Смирнова, 2019; Кочетова, 2021] наравне с такими темами, как автобиографическое повествование [Цатурян, 2017; Кихней, Осипова, 2019], приемы создания комического [Кульгавчук, 2018], тенденции развития женской [Кульгавчук, 2022] и детской [Денисенко, Дмитриевская, 2021; Монисова, 2021] прозы. Многие специалисты, занимающиеся изучением поэтики пространства в книгах Н. Абгарян, отмечают ее мастерство и говорят, в частности, об успешном воссоздании через геопозэтические образы самобытной национальной картины мира и осмыслении в этноонтологическом ключе вечных сюжетов мирового искусства, интерпретации универсальных моделей бытия [Смирнова, 2018, с. 873].

Книга «Понаехавшая» с точки зрения отражения национально-культурной специфики также может представлять собою определенный интерес. Так, Е. А. Николаева пишет о заложенном в героине семье и социокультурной средой архетипе Матери, который в значительной степени определяет действия Понаехавшей, позволяя таким образом освоить пространство нового для нее города. Воспитанная в традициях бережного отношения друг к другу, она неосознанно выделяет соответствующие символы в новой для нее среде и «генерирует вовне свое, уже дополненное спецификой нового социума отношение, воспринимаемая людьми как членов сети отношений, от которых они зависят, а не как оппонентов в соревновании прав» [Николаева, 2017, с. 165].

Образ Москвы, «покорение» которой составляет сюжетную канву «Понаехавшей», однозначно, заслуживает отдельного рассмотрения. Он получает в книге весьма детальную разработку: здесь обозначены конкретные московские локации, находят отражение многие реалии того времени, некоторые связанные с Москвой образы и эпизоды наделяются символическим звучанием, актуализируются традиционные мифопоэтические черты российской столицы, персонажам-москвичкам отводится ключевая роль в судьбе героини, постепенно осваивающейся в пространстве столичного города.

Результаты и обсуждение

Образ Петровки

Книга открывается описанием Петровки, которая, впрочем, как всегда впоследствии, предстает хмурой, неприветливой:

«Петровка — улица недлинная и достаточно.bestолковая. На тротуарах свалявшимися сугробами лежит подтаявший снег — не пройти, не протолкнуться. Любой мчащийся мимо автомобиль норовит окатить с ног до головы холодной грязной жижей. Декабрь 94-го выдался слякотным и отходчивым на морозы — всё, что намело ноябрем, вся мелкая и колючая снежная крупа, нещадно летящая в лицо и норовящая забиться под воротник, — всё это таяло и исходило капелью, оставляя серые потеки на боках невысоких старых зданий» [Абгарян, 2022, с. 5].

Подобные черты — неухоженность, запущенность, неуютность, невзрачность — становятся ключевыми для ландшафта всей Москвы, которая изображается в книге

уставшей, погруженной в уныние и тоску, тяжело переживающей наступившие — как называет их мама героини — «темные времена» [Абгарян, 2022, с. 6].

Примечательно, что Петровка, одна из центральных, самых старых и самых интересных улиц Москвы, почти лишается в книге своей индивидуальности, оказывается безликой и описывается так, как в принципе могли бы быть описаны сотни других, в том числе ничем не примечательных улиц российских городов. Культурно-историческое богатство Петровки и всей Москвы остается вне поля зрения автора и ее героев.

Надо заметить, что подобный, значительно обесцененный в культурном плане образ столицы является весьма типичным для современной русской литературы, где на смену героям-праведникам и героям-странникам приходят «герои-обыватели, равнодушные ко всему, что выходит за зону личного комфорта», и «герои-карьеристы, воспринимающие столицу как жизненный трофей» [Селеменова, 2015, с. 102]. Понаехавшую, вероятно, можно было бы отнести к последней категории, если бы не ее отнюдь не равнодушное отношение к Москве, которое со всей ясностью обнаруживает себя, например, в письмах героини на родину. Скорее мы имеем дело с попыткой изобразить Москву сосредоточенной на своем желании выжить, на решении самых насущных проблем. Даже многочисленные торговые ряды на Петровке не столько передают культурно-историческую специфику этой улицы, которая всегда была и до сих пор остается торговой, сколько служат печальной приметой того времени, когда уличная торговля, в том числе старым имуществом, оказалась единственным источником дохода для миллионов обедневших россиян:

«Кругом царил торговый дух: от станции «Кузнецкий мост» и до ЦУМа тянулись ряды из складных столиков, густо заставленных книгами, оренбургскими платками, самоварами, старыми швейными машинками, водкой, упаковками непривычно вкусной импортной жвачки „Ригли“ и батончиками „Марс“ и „Сникерс“. Там и сям аккуратными горками высились диковинные пушистые фрукты киви и гроздь желтых, спелых бананов. Киви стоили каких-то бешеных денег, поэтому люди их брали поштучно.

— Просто попробовать, — зачем-то объясняли продавцам» [Абгарян, 2022, с. 5–6].

Мелькающие на прилавках «упаковки *непривычно вкусной* импортной жвачки» (курсив мой — Н. Г.), перечисляемые «поименно» заграничные шоколадные батончики, невиданные ранее москвичами тропические фрукты служат отсылкой к рухнувшему железному занавесу и открывшемуся в итоге светлому образу западного мира, где — в противовес обнищавшей и ввергнутой в уныние Москве — царят благополучие, изобилие и успех. Это противопоставление развивается далее, усиливая негативные черты образа российской столицы как топоса беспросветной бедности и упадка. Москвичи тянутся к заветному, манящему западному миру, но его блага и удовольствия оказываются прерогативой избранных и малодоступными для всех остальных. В этом плане очень показательным является, например, эпизод с недавно открывшимся фирменным магазином «Данон», куда москвичи ходили как в музей целыми семьями и, будучи не в состоянии купить хоть что-нибудь, прятались от продавщиц за соседними полками и «воровато читали по слогам состав йогуртов»: «Ооооо, взбитые сливки! — трепетали они. — С кусочками папайи и гуавы!» [Абгарян, 2022, с. 26]

Именно на Петровке происходит знакомство читателя с героиней:

«Вдоль стихийно образовавшихся торговых рядов всполошенным пунктиром передвигалась высокая, тощая и носастая девица. На голове дыбилась кусачая вязаная шапка, из-под торчащего колом черного пальто струились убийственно длинные, тонкие ноги» [Абгарян, 2022, с. 6].

«Прижимать к боку сумку девица не умела. Длинные тонкие руки топорщились во все стороны острыми локтями и целомудренно складывались вдоль тела категорически не желали. Поэтому, во избежание ограбления, ляжка сумки перекидывалась через плечо, а сама сумка прижималась сцепленными крест-накрест руками на груди» [Абгарян, 2022, с. 7].

Напуганная слухами о московских ворах-карманниках, она явно не испытывает доверия к окружающей ее толпе и крепко прижимает к груди сумку. Ее нескладная, худая фигура, неловкие движения делают образ еще более уязвимым, беспомощным, несколько нелепым; она, однозначно, не кажется здесь «своей».

Образ гостиницы «Интурист»

Основные события рассказываемой истории разворачиваются в гостинице «Интурист», куда героиня устраивается на работу в пункт обмена валют. Заметим, что «Интурист» начала 1990-х гг. — место весьма спорное. С одной стороны, это, несомненно, культурно-исторический объект, отражавший в свое время дух новизны и прогресса. Создание комплекса во многих отношениях было инновационным, снос старых построек под строительство гостиницы подавался советской прессой как благодостный переход от изжившего себя к новому, лучшему. Хотя здание, в итоге, получилось ниже, чем задумывал его впечатленный американскими небоскребами Всеволод Вознесенский, оно всё равно долгое время оставалось самым высоким сооружением из железобетона в Москве, что уже само по себе весьма символично. С другой стороны, значительная часть общественности считала данный проект неудачным, решение о его строительстве — ошибочным (главным образом, с точки зрения архитектурной эстетики и градостроительства), а в 1980-е гг. гостиница стала центром торговых спекуляций и валютной проституции, что сильно ударило по ее репутации. Неслучайно столичный мэр Юрий Лужков, подписавший распоряжение о сносе гостиницы в 2001 г., сравнил ее с гнилым зубом.¹

Воспроизводимый в книге образ огромной гостиницы, в прошлом вызывавшей восторг и воплощавшей всё самое прогрессивное, а ныне обедневшей и оказавшейся под угрозой сноса, в определенном смысле символизирует собой трагедию всей большой страны, которая ранее также казалась многим исключительно перспективным проектом, но потерпела крах и фактически была признана исторической ошибкой.

Контраст между славным прошлым и бесславным настоящим мы видим уже в первом предложении посвященной отелю главы. Здесь констатируется заметное противоречие между его не лучшим состоянием, уже обнаруживающим следы обнищания и упадка, и всё еще сохраняющимися претензиями на солидность и эксклюзивность: «„Интурист“

¹ На месте «Интуриста» открыли «Ритц» // Комсомольская правда. 8 декабря 2006 г. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/23820.4/60942/>

оказался весьма посредственной гостиницей с обшарпанными интерьерами и запредельными ценами на сервис» [Абгарян, 2022, с. 31].

Показная дешевая «роскошь» в сочетании с абсолютной неприспособленностью, неустроенностью отличает и пункт обмена валют, где трудится героиня. Это — бывший торговый павильон, который «фальшиво переливался золотом, серебром, стеклянным блеском да ампириными загогулинами насмерть приваренного к стенке зеркала» [Абгарян, 2022, с. 22] и который, «может быть, для продажи зажигалок ... очень даже был приспособлен, но для обмена валюты — решительно нет» [Абгарян, 2022, с. 20]. История обретения нового, более или менее адекватного предполагаемым функциям павильона, полная «скандалов, шантажа и других леденящих душу трепыханий» [Абгарян, 2022, с. 55], растягивается более чем на год и становится в книге отдельной темой.

Всё ту же не очень удачную попытку приспособиться к новым условиям, скрыть, приукрасить (в прямом и переносном смысле слова) пугающе бедственное положение демонстрирует эпизод с баяном в торговых ларьках, расположенных в фойе гостиницы. Больше того, образ баяна, служащего теперь приманкой для потенциальных покупателей, вызывает ассоциации с неприкаянностью и абсолютной беспомощностью перед лицом внешних обстоятельств. Его «потустороннее стенание» и «красные бока» содержат отсылку к теме мученической смерти, гибели. Образ может быть воспринят как символ трагедии тех многочисленных россиян, которые, лишившись в 1990-е гг. привычной почвы под ногами, так и не смогли найти себя в изменившихся условиях:

«Каждое утро две худенькие продавщицы выволакивали баян из-под прилавка и вешали на устрашающий, но элегантно обмотанный мерцающей гирляндой мясницкий крюк. Баян с потусторонним стенанием разворачивал полукругом свои мехи и покачивался на сквозняке, укоризненно выставив на обозрение красные бока. В течение дня всяк мимо проходящий считал своим долгом дернуть за свободный ремень и изобразить на клавиатуре что-то отдаленно музыкальное» [Абгарян, 2022, с. 31–32].

Глупое, неумелое притворство, плохо скрывающее реальное положение дел, мы видим и в историях обитателей «Интуриста», образы которых обретают трагикомические черты. Молодые продавщицы элитного мехового салона, гордо расхаживающие по фойе в роскошных шубах с предусмотрительно спрятанным в рукав ценником и демонстративно говорящие «исключительно на смеси иностранных языков», в реальности вынуждены терпеть абсолютно хамское обращение со стороны своих клиентов — «братков в малиновых пиджаках». «Бравая, закованная в униформу охрана» в «убедительно выпирающей из-под пиджака кобуре» вместо оружия, которым начальство не в состоянии ее обеспечить, хранит «заботливо нарезанные бутерброды и всякую другую мелкую трапезу» и при ограблении спасается от преступников бегством [Абгарян, 2022, с. 32–33]. Профессиональные обязанности Георгия, влюбленного в Понаехавшую работника одного из находящихся в «Интуристе» офисов, сводятся к тому, что он «пускает пыль в глаза»: «потрясая папками „Херлиц“, прикуривая от „Зиппо“ и щелкая лжезолотой ручкой „Паркер“» [Абгарян, 2022, с. 121], герой создает «видимость успешности и безусловной европеизированности ассоциации» [Абгарян, 2022, с. 120].

В представлении своих обитателей «Интурист» — место для избранных, «чуть ли не небожителей» [Абгарян, 2022, с. 32], так что холодный прием, оказанный ими Понаехавшей и ее коллегам, когда те начинают работать в пункте обмена валют, не вызывает удивления. Недоверие «коренных интуристовцев» к «опасным чужакам», вдруг появившимся в их «ареоле обитания» [Абгарян, 2022, с. 19], словно обыгрывает известный стереотип о неприветливых к приезжим москвичам, делая максимально ощутимой границу «свой/чужой», изначально заложенную в любой истории покорения столицы провинциалом. Это ощущение усиливается физической границей, изолированностью, замкнутостью пространства гостиницы («В целях безопасности блокировался вход в гостиницу... Ночью на Тверской было страшно... Гостиница никакого отношения к ночной Тверской не имела — она жила своей жизнью...» [Абгарян, 2022, с. 203]), а также отсылкой к образу Рубикона (река как граница) в описании поворотного момента в истории развития отношений героини с другими работниками отеля («Таким нехитрым способом Рубикон был перейден, и „Интурист“ повернулся к девочкам лицом» [Абгарян, 2022, с. 36]).

Образы москвичек О. Ф. и тети Поли

Как замечает П. Крусанов,

«пока пространство не напитается яркими жизнями, жертвенными смертями, талантами и мечтами его насельников, оно не оживет, не одухотворится, останется просто камнем, перекрестком, улицей — предметом без всякой метафизики и внутреннего огня, ветшающим без грусти и умирающим раз и навсегда, как случайная чепуха, как вещь без эйдоса» [Крусанов, 2017, с. 449].

Фокус внимания Н. Абгарян и ее героини — именно на людях, их характерах, взаимоотношениях и судьбах. Очень примечательно, что большую часть книги составляют частные истории. Многие из них вписаны в общую канву сюжета весьма условно, представляют собой, например, ситуации из жизни коллег Понаехавшей, их родственников и знакомых и оформлены в качестве отдельных главок, названных именами своих главных персонажей («Трепетная Наталья», «Галя», «Инкассатор Леша», «Игорь», «Добычица Наташа» и др.).

Некоторые из этих историй, как и целый блок наблюдений автора, посвящены теме взаимоотношений москвичей и приезжих, в том числе иностранцев. Различия между теми и другими автор почти стирает, констатируя: «Странное дело, но жители больших городов ... не сильно отличаются от провинциальных жителей» [Абгарян, 2022, с. 69]. Столкновение двух пространств — столичного и провинциального — оказывается максимально мягким, почти бесконфликтным. Симпатия автора к своим героям примиряет всех между собой, так что граница «свой/чужой» фактически нивелируется. Собственно, такой подход обнаруживает себя уже в заглавии произведения. С одной стороны, здесь ощутима некоторая конфликтность, порождаемая отсылкой к расхожему пренебрежительному обозначению москвичами приезжих покорителей столицы. С другой стороны, языковая игра (нарочное изменение традиционной формы множественного числа на абсолютно нелогичную здесь форму единственного числа) всё оборачивает в шутку и сводит конфликт на нет.

От москвичей Понаехавшая получает немалую поддержку и ободрение. Главную роль в ее судьбе сыграют женщины, что само по себе весьма символично, поскольку Москва, в противовес Петербургу, традиционно ассоциируется именно с женским началом. Собственно, сама тема «покорения» столицы дает отсылку к представлениям о Москве как о городе-женщине, вызывая ассоциации с завоеванием гордой, неприступной красавицы. В «Понаехавшей» более сильными оказываются иные ассоциации — связанные с традиционно приписываемыми Москве душевностью, радушием, материнской любовью.

Уже в самом начале своего пребывания в столице героиня оказывается спасена «сердобольной тетечкой», которая выводит ее, уснувшую в дороге, из вагона идущего в депо поезда метро. Далее заботу о Понаехавшей берут на себя ее начальница О. Ф. и квартирная хозяйка тетя Поля.

Первая — «среднестатистическая, обильно выпивающая и стихийно прелюбодействующая грешница» [Абгарян, 2022, с. 116], она зачастую груба и бесцеремонна, но при этом неизменно добра и участлива, что проявляется уже при приеме Понаехавшей на работу:

«— Чаю хочешь?

— Нет.

— Кому было сказано не перечить? Налей себе чаю, вон, видишь, термос стоит на столе. Печеньё возьми. И сахару в чай положи, три куска. А лучше четыре» [Абгарян, 2022, с. 16].

О. Ф. с невероятной энергией защищает своих сотрудниц, оправдывая их при необходимости перед начальством и огораживая от выпадов со стороны обосновавшихся в «Интуристе» проституток. С ней «девочки были как за каменной стеной» [Абгарян, 2022, с. 128].

Тетя Поля — совсем иная, но также окружает Понаехавшую заботой и вниманием. Это — женщина нелегкой судьбы, пережившая трагедию несостоявшегося материнства и сейчас видящая в Понаехавшей дитя, нуждающееся в помощи и опеке. Тетя Поля тащит героиню до кровати, когда та засыпает на кухне, ставит ей на прикроватную тумбочку иконку Божьей Матери, выхаживает ее, когда та заболевает, собирает ее на собеседование, утешает, когда у той умирает бабушка. Ради Понаехавшей она готова идти на конфликт со своими родственниками и готова оставить ее у себя в квартире бесплатно, а в конце книги, обращаясь к героине, называет ее «дочкой».

Примечательно, что обе героини — тетя Поля и О. Ф. — оказываются связаны с пространством не-улицы. В случае с тетей Полей — это, конечно, пространство Дома, традиционно исполненное теплом, уютом, чувством защищенности, душевной близостью, а в случае с О. Ф. — пространство обменного пункта, которое, несмотря на внешнюю фальшивость в виде «всяких вычурных загогулин» [Абгарян, 2022, с. 20], усилиями героини также становится островком искренности, доверия и взаимной поддержки. Именно эти пространства оказываются основной сценой для разыгрывающихся событий, в то время как детальные описания внешней среды остаются в начале книги: у Понаехавшей появляется ее Москва. Рассказывая подруге о первых неделях работы в обменном пункте, героиня, в начале книги представляющая перед читателем растерянно

бредущей по Петровке девицей, «раздавленной этим новым, огромным городом», заканчивает письмо словами: «За последние полгода я впервые нашарила твердую почву под ногами. Москва меня, кажется, приняла» [Абгарян, 2022, с. 18]

Заключение

В книге «Понаехавшая» Наринэ Абгарян Москва 1990-х гг. предстает в совокупности своих ландшафтных, топонимических и социокультурных характеристик. Пространство города заполняется печальными реалиями того времени — стихийной уличной торговлей, запущенными улицами, не виданными ранее и вызывающими восторг импортными товарами, недоступными для большинства горожан, проститутками, «братками» и массовой приезжих, ищущих в российской столице спасения от нищеты. Москва воспринимается как топос упадка, деградации, уныния. Многие образы обретают символическое звучание, воплощая собой трагедию кризисной эпохи.

С другой стороны, по мере освоения героиней пространства нового для нее города у Москвы появляются иные черты: радушие, душевность, материнское тепло. В значительной степени эти качества, связанные с известными представлениями о Москве как о городе-женщине и потому традиционные для ее мифопоэтики, актуализируются образами москвичек О. Ф. и тети Поли, которые берут Понаехавшую под свою защиту, окружают ее заботой и вниманием. Постепенно Москва становится для Понаехавшей «своей», а ее счастливая история, являющаяся собой вариацию на известную тему «покорения» столицы провинциалом, оказывается не историей карьерного успеха, а историей любви. Неслучайно книга заканчивается строками: «Моей Москве — с любовью, Н. Абгарян» [Абгарян, 2022, с. 222].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Абгарян Н. 2022. Понаехавшая. Москва: Издательство АСТ.
- Абгарян Н., Стулова А. 2020. «Я так и осталась робкой „понаехавшей“»: Писательница Наринэ Абгарян — о Москве, научившей ее верить в себя, смешной книжке про похороны и великой эпохе ЖЖ: интервью // Известия. URL: <https://iz.ru/1080147/arina-stulova/ia-tak-i-ostalas-robkoi-ponaekhavshei>.
- Александрова-Осокина О. Н. 2020. Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. № 5. С. 216–241.
- Бурцева Ж. В. 2021. Формирование северного локального текста в литературе Якутии: структура и культурный код // Новый филологический вестник. № 2(57). С. 53–66.
- Власова Е. Г., Ведерников А. П. 2019. Травелоги в истории литературного открытия Урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста // Уральский исторический вестник. № 2(63). С. 143–149.
- Денисенко Е. Н., Дмитриевская Л. Н. 2021. Русская картина мира в современной русскоязычной армянской литературе о детях и подростках (на материале произведений Н. Абгарян и М. Петросян) // Российский журнал исследований билингвизма. № 3. С. 54–61.
- Егорова Ю. М. 2019. Образ Москвы в рассказах Шмелёва // Новые российские гуманитарные исследования. № 14. С. 81.

- Ибадова Н. Э. 2020. Художественное время московского текста Юрия Полякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Том 25. № 3. С. 458–467.
- Кихней Л. Г., Осипова О. И. 2019. Структура автобиографического повествования в романной трилогии Н. Абгарян «Манюня» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Том 24. № 4. С. 607–615.
- Кораблев А. А. 2019. Онтология и аспектология локальных текстов // Восток — Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена». С. 20–27.
- Кочетова К. А. 2021. Мотив моря как элемент поэтики магической реальности в романе Наринэ Абгарян «Симон»: количественный аспект // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. № 21. С. 59–65.
- Крусанов П. 2017. Центр новый, незатопаемый // В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории / сост. Н. Соколовская, Н. Шубина. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной. С. 445–458.
- Кузьминых Е. О., Вязовская В. В. 2019. Пространственно-временные координаты художественного мира Н. Абгарян в сборнике рассказов «Дальше жить» // Неофилология. Т. 5. № 19. С. 371–380.
- Кульгавчук М. В. 2018. Для массового читателя? Наринэ Абгарян // Вопросы литературы. № 2. С. 66–76.
- Кульгавчук М. В. 2022. В поисках нравственной нормы: о некоторых особенностях современной русской прозы // Русский язык и культура в зеркале перевода. № 1. С. 625–633.
- Монисова И. В. 2021. Гастрономическая образность в повествовании о мире детства (по повести Н. Абгарян «Манюня») // Традиционная культура в современном мире. История еды и питания народов мира: Материалы V Международного научно-практического симпозиума. Москва. С. 290–297.
- Немзер А. С. 2003. Замечательное десятилетие русской литературы. Москва: Захаров.
- Николаева Е. А. 2017. «Свое» пространство Н. Абгарян: к вопросу о специфике воплощения архетипа матери в современной литературе // Социология. № 4. С. 162–165.
- Новикова Е. А. 2020. Москва в произведениях Ивана Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. № 4. С. 109–115.
- Рощина О. В. 2012. Образ «Москвы кабацкой» в творчестве С. А. Есенина и В. А. Гиляровского // Современное есениноведение. № 21. С. 34–39.
- Селеменова М. В. 2009. «Московский текст» в русской литературе XX века (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. № 2. С. 20–27.
- Селеменова М. В. 2015. Образ Москвы в русской литературе начала XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. № 4. С. 93–103.
- Сид И. 2015. История понятия «геопэтика» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 11 (722). С. 153–170.
- Смирнова А. И. 2018. Новая женская проза: на перекрестке культур // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. № 6. С. 871–876.

- Смирнова А. И. 2019. Пространство локального текста в инациональной женской прозе (Н. Абгарян «С неба упали три яблока») // Восток — Запад: Пространство локального текста в литературе и фольклоре: Сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга. Волгоград. С. 427–433.
- Созина Е. К. 2020. Геопоэтика национального ландшафта в русской литературе // Уральский исторический вестник. № 2(67). С. 99–106.
- Сяоя Д. 2022. Образ Москвы в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 1. С. 166–174.
- Трубицина Н. А. 2019. Геопоэтика Крыма в творчестве Михаила Пришвина // Культура и текст. № 3(38). С. 87–97.
- Цатурян Е. И. 2017. Хронотоп автобиографического романа (на материале трилогии Н. Абгарян «Манюня») // Филология. № 1(7). С. 32–35.
- Цвигун Т. А., Черняков А. Н. 2022. К геопоэтике города К.: оптики чувствования // Слово. ру: балтийский акцент. Том 13. № 4. С. 111–123.
- Шафранская Э. Ф. 2017. Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 1. С. 22–29.

References

- Abgaryan, N. (2022). *The Newcomer*. Izdatel'stvo AST. [In Russian]
- Abgaryan, N., & Stulova, A. (2020). "I'm still a shy newcomer": The writer Narine Abgaryan about Moscow, which taught her to believe in herself, a funny book about funeral, and the great epoch of Live Journal: interview. *Izvestiya*, Oct. 30. <https://iz.ru/1080147/arina-stulova/ia-tak-i-ostalas-robkoi-ponaekhavshei> [In Russian]
- Alexandrova-Osokina, O. N. (2020). Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism. *Nauchnyj dialog*, (5), 216–241. [In Russian]
- Burtseva, Zh. V. (2021). The formation of the northern local text in the literature of Yakutia: its structure and cultural code. *Novyj filologicheskij vestnik*, (2), 53–66. [In Russian]
- Vlasova, Ye. G., & Vedernikov, A. P. (2019). Travelogues in the history of the Urals' literary discovery: to the question of the genre role in the local text structure. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, (2), 143–149. [In Russian]
- Denisenko, E. N., & Dmitrievskaya, L. N. (2021). The Russian picture of the world in modern Russian-language Armenian literature about children and adolescents (based on the works by N. Abgaryan and M. Petrosyan). *Rossiiskij zhurnal issledovanij bilingvizma*, (3), 54–61. [In Russian]
- Yegorova, Yu. M. (2019). The image of Moscow in the short stories of Shmelev. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*, (14), 81. [In Russian]
- Ibadova, N. E. (2020). The artistic time of the Moscow text by Yuri Polyakov. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 25(3), 458–467. [In Russian]
- Kikhney, L. G., Osipova, O. I. (2019). The narrative structure in the N. Abgaryan's trilogy "Manyunya." *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 24(4), 607–615. [In Russian]

- Korablev, A. A. (2019). The ontology and aspectology of the local texts. *Proceedings of the Research Conference: Vostok — Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore: sbornik nauchnyh statej k 70-letiyu professora A. H. Gol'denberga, Russia* (pp. 20–27). [In Russian]
- Kochetova, K. A. (2021). The motif of the sea as an element of the poetics of magical reality in Narine Abgaryan's novel "Simon": quantitative aspect. *Russkaya filologiya: uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (21), 59–65. [In Russian]
- Krusanov, P. (2017). The Center is new, un floodable. In N. Sokolovskaya, N. Shubina (eds.). *V Pitere zhit': ot Dvorcovoј do Sadovoј, ot Gangutskoj do Shpalernoј. Lichnye istorii*. Redakcija Eleny Shubinoј. [In Russian]
- Kuzminykh, E. O., & Vyazovskaya, V. V. (2019). Spatiotemporal coordinates of the artistic world of N. Abgaryan in the storybook *To Live Further*. *Neofilologiya*, 5 (19), 371–380. [In Russian]
- Kulgavchuk, M. V. (2018). For a mass reader? Narine Abgaryan. *Voprosy literatury*, (2), 66–76. [In Russian]
- Kulgavchuk, M. V. (2022). In search of a moral norm: some features of modern Russian literature. *Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*, (1), 625–633. [In Russian]
- Monisova, I. V. (2021). The gastronomic imagery in the narration about the childhood world (the novel *Manyunya* by N. Abgaryan). *Proceedings of the International Research Symposium "Tradicionnaya kul'tura v sovremennom mire. Istoriya edy i pitaniya narodov mira," Russia* (pp. 290–297). [In Russian]
- Nemzer, A. S. (2003). *A Wonderful Decade of the Russian Literature*. Zakharov. [In Russian]
- Nikolaeva, E. A. (2017). N. Abgaryan and "her" space: on the issue of specifics of Mother-archetype realization in the modern literature. *Sociologiya*, (4), 162–165. [In Russian]
- Novikova, E. A. (2020). Moscow in the works of Ivan Bunin. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, (4), 109–115. [In Russian]
- Roshchina, O. V. (2012). The image of "kabak Moscow" in the works of S. Esenin and V. Gilyarovskij. *Sovremennoe esinovedenie*, 21, 34–39. [In Russian]
- Selemeneva, M. V. (2009). "Moscow text" in the Russian literature of the 20th c. (the case of the prose of 1910–1950s). *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, (2), 20–27. [In Russian]
- Selemeneva, M. V. (2015). Image of Moscow in Russian literature of the early twenty-first century. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, (4), 93–103. [In Russian]
- Sid, I. (2015). The history of the concept "Geopoetics." *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, (11), 153–170. [In Russian]
- Smirnova, A. I. (2018). New female prose: at the crossroads of cultures. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii*, (6), 871–876. [In Russian]
- Smirnova, A. I. (2019). The space of the local text in the foreign national female prose (N. Abgaryan's *Three Apples Fell from the Sky*). In *Vostok — Zapad: Prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore: Sbornik nauchnyh statej k 70-letiyu professora A. H. Gol'denberga* (pp. 427–433). [In Russian]
- Sozina, E. K. (2020). Geopoetics of the national landscape in Russian literature. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, (2), 99–106. [In Russian]
- Xiaoxia, D. (2022). The image of Moscow in the novel "Doctor Zhivago." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, (1), 166–174. [In Russian]

- Trubitsina, N. A. (2019). Geopoetics of Crimea in creative work of Mikhail Prishvin. *Kul'tura i tekst*, (3), 87–97. [In Russian]
- Tsaturyan, Ye. I. (2017). Chronotope of autobiographic novel (the case of N. Abgaryan's *Manyunya* trilogy). *Filologiya*, (1), 32–35. [In Russian]
- Tsvigun, T. A., & Chernyakov, A. N. (2022). The geopoetics of the city K.: the optics of perception. *Slovo.ru: baltiiskij accent*, 13(4), 111–123. [In Russian]
- Shafranskaya, E.F. (2017). Liars and fantasizers as a pattern of the 20th c. local texts. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, (1), 22–29. [In Russian]

Информация об авторе

Наталья Александровна Гриднева, кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедра педагогики, межкультурной коммуникации и русского как иностранного, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия
n.gavrilina83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1886-6040>

Information about the author

Natalia A. Gridneva, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Pedagogics, Cross-Cultural Communication and Russian as Foreign Language, Samara State Technical University, Samara, Russia
n.gavrilina83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1886-6040>

Пол Каффи: мореплаватель, бизнесмен, аболиционист

Андрей Андреевич Шумаков

Тульский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Тула,
Россия
Контакт для переписки: takamori@rambler.ru

Аннотация. Статья является первой в отечественной историографии попыткой подробного изложения биографии легендарного афроамериканского аболициониста и предпринимателя Пола Каффи, которого многие исследователи, помимо всего прочего, называют еще и пионером движения «Назад в Африку», основоположником такого идейно-политического течения, как черный национализм. История его успеха и бурная общественная деятельность вдохновила не одно поколение борцов за права чернокожего населения США, что сделало Каффи одной из самых ярких и почитаемых фигур в афроамериканской истории. По прошествии двух веков с момента безвременной кончины знаменитого аболициониста интерес к его персоне не только не угас, но и значительно вырос, что можно наблюдать на примере постоянно увеличивающегося количества публикаций.

Целью работы является рассмотрение биографии Пола Каффи. Источниковой базой выступают отчеты, письма, работы, а также материалы некоторых периодических изданий. При этом при проведении анализа автор пользовался материалами исследований ведущих западных специалистов.

Основными задачами исследования являются: рассмотрение раннего периода жизни Пола Каффи, исследование его предпринимательской, исследовательской и общественной деятельности.

В качестве основных методов исследования используются историко-описательный и сравнительно-исторический, позволяющий провести необходимые параллели с аналогичными историческими персонажами, такими как Принс Холл. Автор приходит к выводу, что предпринимательская деятельность Пола Каффи неразрывно связана с его общественной работой. Проект репатриации рассматривался капитаном в первую как перспективный экономический проект, о чем

свидетельствует длительная и планомерная работа по привлечению средств. Особое влияние на взгляды Каффи оказало развитие фритредерства в конце XVIII — начале XIX в. Что касается представления Каффи как основоположника таких идейно-политических направлений, как черный национализм и панафриканизм, то автор в ходе своих изысканий не находит прямого подтверждения данной точки зрения.

Ключевые слова: Пол Каффи, Принс Холл, рабство, аболиционизм, фритредерство, панафриканизм, черный национализм, движение «Назад в Африку», квакерство, афроамериканская история

Цитирование: Шумаков А. А. 2023. Пол Каффи: мореплаватель, бизнесмен, аболиционист // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 2(34). С. 69–86. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-69-86>

Поступила 15.03.2023; одобрена 22.05.2023; принята 18.06.2023

Paul Cuffe: navigator, businessman, abolitionist

Andrey A. Shumakov

Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Tula, Russia
Corresponding author: takamori@rambler.ru

Abstract. This article is the first in Russian historiography to provide a detailed biography of the legendary African American abolitionist and entrepreneur, Paul Cuffe. He is often referred to as the pioneer of the “Back-to-Africa” movement and a founder of the black nationalism ideological and political trend. Cuffe’s success story and public activism have inspired generations of fighters for black rights in the United States, making him one of the most revered figures in African American history. Two centuries after his untimely death, interest in Cuffe continues to grow, as evidenced by the increasing number of publications on this subject.

The purpose of this work is to review Paul Cuffe’s biography using reports, letters, works, and materials from periodicals, as well as research materials from leading Western experts. The study aims to consider the early period of Cuffe’s life and his entrepreneurial and social activities.

Historical-descriptive and comparative-historical methods are used to draw parallels with similar historical figures like Prince Hall. The author concludes that Cuffe’s entrepreneurial activity was closely linked to his social work. He saw the repatriation project as a promising economic venture, as evidenced by his long and systematic

fundraising efforts. Cuffe's views were influenced by the development of free trade in the late 18th and early 19th c.

Regarding Cuffe's representation as a founder of black nationalism and Pan-Africanism, the author does not find direct confirmation of this point of view during their research.

Keywords: Paul Cuffe, Prince Hall, slavery, abolitionism, Pan-Africanism, black nationalism, Back-to-Africa movement, quakerism, African American History (Black History)

Citation: Shumakov, A. A. (2023). Paul Cuffe: navigator, businessman, abolitionist. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(2), 69–86. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-69-86>

Received Mar. 15, 2022; Reviewed May 22, 2022.; Accepted Jun. 18, 2023

Введение

Этого человека часто называют пионером движения «Назад в Африку» [Paul Cuffe and the Back-to-Africa movement] и основоположником такой политико-культурной идеологии, как черный национализм и панафриканизм [Rashad; Robinson, 2020, с. 4–5; Moses, 1996, с. 16]. Правда, нельзя не отметить, что далеко не все исследователи разделяют данную точку зрения. Достаточно сказать, что на ту же роль претендует и другой знаменитый афроамериканский аболиционист Принс Холл¹, живший примерно в то же время и в том же штате. История его жизни во многом схожа с судьбой Каффи, поэтому в текущей работе автору сложно будет удержаться от проведения соответствующих параллелей. Напомним, что именно авторству Принса Холла приписывают первое официальное обращение к властям Массачусетса с просьбой разрешить свободным неграм вернуться на свою историческую родину. Причем произошло это еще в 1773 г. А спустя 14 лет чернокожий аболиционист обратится в Законодательное собрание с просьбой финансовой поддержки движения по возвращению свободных негров в Африку [Шумаков, 2021, с. 443]. Принимая во внимание эти факты, тем не менее нужно учитывать, что Пол Каффи продвинулся гораздо дальше своего предполагаемого предшественника. Ему удалось не только вывести тему репатриации афроамериканского населения на международный уровень, но и приступить к непосредственной реализации этого плана, придав последнему форму важнейшего общественно-политического и одновременно многообещающего коммерческого проекта. 3 февраля 1816 г. капитан Каффи на своем корабле доставил в Сьерра-Леоне первых свободных цветных граждан США и тем самым положил начало репатриации.

¹ Принс Холл (1735/8–1807) — афроамериканский аболиционист, лидером свободной африканской общины в Бостоне, создатель Африканской масонской ложи, также принимавший активное участие в движении «Назад в Африку».

Обзор литературы

История жизни Пола Каффи достаточно необычна и в то же время весьма показательна для своего времени. Сын бывшего раба и свободной индейской женщины, преуспевающий бизнесмен, мореплаватель, общественный деятель, аболиционист, известный борец за гражданские права, Пол Каффи долгое время рассматривался в качестве едва ли не единственного в своем роде примера успешного цветного человека в США. В этом отношении ему совершенно точно удалось затмить Принса Холла. Достаточно сказать, что первое афроамериканское издание «Freedom's Journal» в марте 1827 г., т. е. через 10 лет после его смерти, начинало свои публикации с подробного изложения биографии Пола Каффи [Ильинская, 2016, с. 138; Ильинская, 2019, с. 63], которой посвятило сразу несколько выпусков.

Разумеется, история невероятного успеха капитана Каффи в разное время привлекала особое внимание американских и британских историков и публицистов, что нашло свое отражение в десятках работ, посвященных афроамериканскому аболиционисту¹. В отечественной же историографии деятельность Пола Каффи не получила широкого освещения. Исключения составляют лишь страничные упоминания в диссертациях кандидата филологических наук Ангелины Анатольевны Ильинской и доктора филологических наук Ольги Юрьевны Пановой [Панова, 2014; Ильинская, 2019]. Правда, в обоих случаях соискатели лишь вскользь коснулись истории жизни Пола Каффи, не вдаваясь в детали его биографии. Отсюда и некоторые фактологические ошибки, неточности и искажения. Например, А. А. Ильинская в своей диссертации называет Каффи «одним из предводителей Гаитянской революции» [Ильинская, 2019, с. 63], получившим образование в Англии [Ильинская, 2019, с. 105], что, конечно же, не вполне соответствует действительности.

Источниковую базу исследования, помимо упомянутого выше издания *Freedom's Journal*, составляют многочисленные материалы переписки, отчеты и обращения Пола Каффи, книга воспоминаний его сына [Cuffe, 1839] и публикации периодических изданий того времени.

Результаты и обсуждение

Ранние годы

В отличие от вышеупомянутого Принса Холла [Шумаков, 2021, с. 437], вопрос происхождения Пола Каффи никогда не вызывал у исследователей серьезных расхождений и споров, т. к. эта история воспроизводится едва ли не во всех известных источниках. Будущий предприниматель и аболиционист родился 17 января 1759 г. на небольшом острове Каттиханк в западной части архипелага Элизабет в Массачусетсе, в семье освобожденного раба-ашанти Каффа Слокума родом с Западного побережья Ганы и индейской женщины Рут Мозес из племени вампаноагов с мыса Код [Paul Cuffe, a Brief

¹ В литературе Каффи довольно часто называют афроамериканцем, хотя на самом деле он был самбо — человеком смешанного индейско-африканского происхождения.

Biography]. Некоторые авторы даже полагают, что представители семейства Слокумов какое-то время являлись единственными обитателями указанного острова. Пол был седьмым ребенком и изначально носил фамилию Слокум, которую позднее заменит на Кафф или Каффи в честь своего отца.

Последний, кстати, сыграет особую роль в судьбе будущего предпринимателя и общественного деятеля. Можно предположить, что именно Кафф Слокум направил своего сына по этому пути. История его жизни не менее уникальна и удивительна. Кафф Слокум сумел не только выкупить себе свободу в 1745 г. после почти 18 лет пребывания в рабстве, но и оставил своему многочисленному потомству¹ весьма солидное по меркам того времени наследство в виде фермы площадью 116 акров близ Дартмута, округ Бристоль, штат Массачусетс, куда семья Слокум переедет весной 1767 г. [Paul Cuffe, a Brief Biography]. Именно эта собственность перейдет в руки Пола и его брата Джона после смерти отца в марте 1772 г. [Sherwood, 1923, с. 156].

Впрочем, было бы большим заблуждением полагать, что указанная семейная собственность сыграет для будущего предпринимателя роль того самого начального капитала, который даст ему путевку в мир большого бизнеса. Пол Каффи никогда не связывал свое будущее с ведением фермерского хозяйства, не приносившего большого дохода [Nell, Beecher Stowe, 1855, с. 59]. Оставив отцовскую ферму под руководством своего старшего брата, в 14-летнем возрасте (по другой версии — в 16 лет) [Sherwood, 1923, с. 156] он устроился матросом на китобойное судно, а спустя три года был пленен британским военным кораблем и три месяца провел в нью-йоркской тюрьме. На тот момент на территории колоний уже будет полыхать Война за независимость, и юный матрос окажется втянут в стремительный водоворот событий.

Как это ни парадоксально звучит, именно война принесет Каффи первую известность, при том, что сам он никогда не участвовал в боях ни на стороне колонистов, ни на стороне англичан, хотя и был одним из первых, кто вызвался в тайне доставлять провизию на Нантакет. Это дает основание некоторым авторам относить Пола Каффи к т. н. цветным патриотам [Nell, Beecher Stowe, 1855, с. 73–91]. Впрочем, подобные утверждения выглядят весьма сомнительными. Дело в том, что население острова Нантакет, состоящее преимущественно из квакеров, предпочитало придерживаться нейтралитета в англо-американском конфликте. И всё же, несмотря на это, британские корабли старались не пропускать к нему торговые суда в рамках своей континентальной блокады.

Другой серьезной проблемой местных контрабандистов оставались пираты, которыми буквально кишели местные воды. Первые два рейса Каффи закончились полным провалом. Он потерял груз, судно и едва не лишился жизни, оказавшись в плену у морских разбойников. Тем не менее молодой человек раз за разом отправлялся в свои рискованные вояжи. В этом деле Полу активно помогал его брат Дэвид, с которым они делали лодки. Третье плавание на Нантакет им принесло значительную прибыль, позволив приобрести крытую лодку и нанять помощника [Sherwood, 1923, с. 156–157].

¹ У Пола Каффи было три брата и шесть сестер, почти все они (кроме сестер Мэри и Лидии) переживут своего знаменитого родственника.

Последующие рейсы оказались не менее успешными. Однако не только деньгами измерялся успех данного предприятия. Именно в ходе своих рейсов юный матрос завяжет судьбоносные знакомства с влиятельными представителями квакерской общины Нантакета, такими как Уильям Ротч-старший и Уильям Ротч-младший. Впоследствии они перерастут в крепкие деловые отношения.

Стоит отметить, что здесь также сложно удержаться от проведения параллелей с биографией Принса Холла, также завязавшего судьбоносные знакомства с представителями масонской ложи в период Войны за независимость 1775–1883 гг. [Шумаков, 2021, с. 439–440], которая сделала его известным благодаря все тем же поставкам провизии. Вот только в отличие от героя нашего повествования, Холл поставлял провизию Континентальной армии, а по одной из версий, даже проходил службу в ее рядах и принимал непосредственное участие в боевых действиях [Шумаков, 2021, с. 440]. Каффи же на протяжении всей жизни оставался убежденным и последовательным пацифистом, стараясь максимально дистанцироваться от всех сторон конфликта. Можно предположить, что столь жесткая и принципиальная позиция была напрямую связана с бизнес-интересами его семьи.

Предпринимательская деятельность

25 февраля 1783 г. Пол Каффи женился на вдове местного предпринимателя Джеймса Пеквита — Элис Абель, которая так же, как его мать, происходила из племени вампаноагов [Sherwood, 1923, с. 160] и имела значительное состояние¹. В том же году он совместно со своим шурином Майклом Уэйнером² организовал свое первое судоходное предприятие, занимавшееся грузоперевозками в штатах Массачусетс и Коннектикут. В 1789 г. Пол приобрел недвижимость на западном берегу притока реки Аоксет и приступил к строительству более крупных и вместительных парусных судов. Это позволило ему не только расширить сеть перевозок, сделав их международными, но и заняться рыболовным и китобойным промыслом в Атлантическом океане. Некоторые исследователи, опираясь на материалы переписки, полагают, что последующий колонизационный проект Каффи преследовал целью именно создание широкой и разветвленной коммерческой сети, объединяющей всех африканцев [Bruce, 2001, с. 131]. Причем главными центрами этой международной торговой структуры должны были выступать США, Великобритания и Сьерра-Леоне. Учитывая данный фактор, можно понять, почему Каффи впоследствии так упорно продвигал свой проект, несмотря на финансовые убытки.

Совместное семейное предприятие Каффи и Уэйнера оказалось весьма прибыльным. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в период с 1783 по 1806 г. компаньоны приобрели немало собственности вдоль всего восточного побережья, несколько

¹ У пары родилось семь детей — Наоми (1783–1810), Мэри (1785–1867), Рут (1788–1853), Элис (1790–1880), Пол (1792–1843), Рода (1795–1878) и Уильям (1799–1838). Примечательно, что оба сына Каффи фактически продолжили дело отца, став капитанами дальнего плавания.

² Майкл Уэйнер происходил из племени вампаноагов. В 1772 г. он женился на старшей сестре Каффи Мэри.

шхун¹, судовой верфь на восточном берегу реки Акаокет в Уэстпорте, штат Коннектикут, и вообще считались одними из самых состоятельных и уважаемых «цветных» граждан в США. Одной из причин успеха, несомненно, стало активное сотрудничество с богатыми квакерскими семьями и аболиционистами. Кроме того, Каффи был известен как щедрый меценат и горячий сторонник просвещения лиц африканского происхождения. В частности, в Уэстпорте чернокожий капитан финансировал строительство школы, где впоследствии учились его дети, а в 1813 г. пожертвовал немалую сумму на строительство и обустройство нового дома собраний друзей Уэстпорта.

С конца 1790-х гг. Каффи начал работать над своим планом репатриации свободного чернокожего населения США, рассматривая его в первую очередь как перспективный коммерческий проект. За основу была взята инициатива британского правительства и «Компании Сьерра-Леоне», которые в 1791 г. основали поселение Фритаун (Сьерра-Леоне) для бывших рабов, сражавшихся с американскими колонистами во время Первой американо-британской войны в рядах Эфиопского полка лорда Данмора² и «Черной роты пионеров»³. В 1792 г. из Канадской провинции Новая Шотландия в Сьерра-Леоне прибыли 1 196 бывших американских рабов-лоялистов во главе с ветераном «черных пионеров» Томасом Питерсом. В 1800 г. туда же с Ямайки были завезены мароны в количестве около 550 человек. Примечательно, что произошло это как раз в период восстания афроамериканских колонистов против «Компании Сьерра-Леоне» и местных властей. Собственно, именно мароны способствовали его скорому подавлению. В 1808 г. Фритаун окончательно перешел под британский протекторат, что способствовало стабилизации ситуации и стремительному росту численности населения.

Это подконтрольную Британской короне территорию Сьерра-Леоне Каффи выбрал в качестве возможного места переселения свободных афроамериканцев, что выглядело весьма смелым решением, особенно если учитывать геополитические реалии того времени. Парадокс данной ситуации заключался в том, что, несмотря на продолжавшийся конфликт, интересы правящих кругов Великобритании и США по вопросу репатриации свободных негров в принципе совпадали, что давало предпринимателю возможность рассчитывать на получение финансирования с обеих сторон.

С целью реализации этой идеи, а также сбора средств и необходимой информации в 1811 г. Каффи побывал в Сьерра-Леоне, после чего отправился в Англию, где встретился с представителями квакерской общины и с руководством Африканского института,

¹ Речь идет о торговых китобойных шхунах Sunfish (20 т.), Mary (42 т.), Ranger (69 т.), Hero (62 т.), Alpha (268 т.) и 109-тонном бриге Traveller, построенном в 1806 г. и использованном для экспедиции в Сьерра-Леоне. Причем в большинстве случаев Каффи владел лишь частью судна.

² Джон Мюррей Данмор — колониальный губернатор Вирджинии, который с началом американо-британской войны 7 ноября 1775 г. выпустил прокламацию с призывом к местному чернокожему населению вступать в ряды Королевской армии, чтобы получить свободу. Так был сформирован знаменитый Эфиопский полк.

³ «Черная рота пионеров» была создана в конце 1777 — начале 1778 г. на основе расформированного Эфиопского полка в 1776 г.

занимавшимся изучением вопросов экономического и культурного развития Черного континента. На встрече с представителями данной организации капитан рассказал об огромном экономическом потенциале новой колонии, если та сосредоточится на производстве и обработке экспортных сельскохозяйственных культур, развитии легкой промышленности и мореплавания [Paul Cuffe, a Brief Biography]. С этими предложениями Каффи объехал крупные английские города, включая Ливерпуль, Манчестер и Лондон, где встречался со многими известными бизнесменами, политиками, юристами и общественными деятелями.

Стоит отметить, что предложения темнокожего капитана не везде находили положительный отклик. Некоторые британские предприниматели откровенно опасались утратить свое монопольное положение в случае реализации предлагаемого проекта. Один из них даже отправил письмо в Африканский институт с предупреждением, что Пол Каффи «является недобросовестным бизнесменом, и ему нельзя доверять» [Paul Cuffe, a Brief Biography]. После кратковременного пребывания в Англии капитан вновь посетил Сьерра-Леоне, после чего в апреле 1812 г. вернулся в Уэстпорт. Оба африканских рейса Traveller оказались финансово убыточными. Однако Каффи по-прежнему настаивал на совершении ежегодных вояжей на Западный берег Черного Континента, считая, что указанные трудности носят лишь временный характер и рано или поздно задумка окупится, как в свое время это произошло с рейдами на Нантакет.

Осуществлению планов предприимчивого капитана помешала Англо-американская война 1812–1815 гг. Судно и перевозимый им груз по прибытии были арестованы таможенней Ньюпорта. Чтобы разрешить ситуацию, Каффи пришлось обратиться к президенту Джеймсу Мэдисону, государственному секретарю Джеймсу Монро и министру финансов Альберту Галлатину. После личной аудиенции у главы государства предприниматель вернул свое имущество.

И тем не менее дела у бизнесмена в это время шли не очень хорошо, что было связано не столько с морской блокадой, сколько с явным недостатком собранных средств для организации экспедиции в Сьерра-Леоне. В 1813 г. Каффи направил петицию в Конгресс США с просьбой оказать финансовую помощь потенциальным эмигрантам и их семьям, которая, впрочем, осталась без рассмотрения [Abbott, 2017, с. 38]. Еще одной серьезной проблемой стало незначительное количество желающих вернуться на землю предков. Всего отправиться во Фритаун на борту Traveller изъявили желание 38 человек, что позволило покрыть лишь четверть «стоимости» экспедиции — более 1 тыс. долларов. Причем по большей части эти расходы были погашены за счет личного пожертвования Уильяма Ротча-мл. А между тем, согласно сохранившимся документам, только сумма страховки составила 480 долл., еще 1000 долл. Каффи заплатил за транспортировку, 703,96 долл. — за припасы и около 3000 долл. за сам рейс [Sherwood, 1923, с. 200]. Ко всему прочему, попытка компенсировать финансовые потери за счет продажи части груза в Сьерра-Леоне по завышенной цене также провалилась.

В общей сложности Каффи потерял на этом предприятии порядка 8 тыс. долл. Единственной компенсацией стала выплата новым губернатором Сьерра-Леоне Чарльзом Маккарти незначительной суммы в размере 439,62 долл., которая, конечно же, не могла покрыть расходы капитана.

Однако Каффи даже не думал отказываться от своих планов и до самой смерти в 1817 г. пытался найти новые источники финансирования своего колониационного проекта в надежде повторить рейс в Сьерра-Леоне. Несмотря на очевидный провал последнего предприятия, существенно подорвавшего его финансовое положение, к концу своего жизненного пути состояние Пола Каффи составляло порядка 20 тыс. долл. [Thomas, 1988, с. 118], что позволяло ему сохранять статус одного из самых преуспевающих цветных бизнесменов США.

Общественная деятельность

Общественная и исследовательская деятельность Пола Каффи настолько тесно переплетена с предпринимательской, что рассматривать их по отдельности едва ли имеет смысл. Потому как в таком случае невозможно определить мотивы принятия тех или иных решений. И тем не менее сделать это все же необходимо, т. к. без данной составляющей история жизни прославленного капитана будет неполной.

Первой публичной попыткой заявления гражданской позиции Пола Каффи стала подача петиции в Общий суд Массачусетского залива 10 февраля 1780 г. В обращении говорилось о несправедливости налогообложения цветных граждан без предоставления права голоса [Sherwood, 1923, с. 163]. Здесь можно вспомнить аналогичные аргументы Принса Холла в его обращениях к Законодательному собранию штата Массачусетс. Однако в случае с Каффи отчетливо просматриваются коммерческие мотивы.

Следующим шагом стала уже подача заявления в окружной суд Бристоль, штат Массачусетс, подписанной Полом Каффи и его братом Джоном 19 декабря 1780 г. В этом документе оба фигуранта заявляют, что не могут рассматриваться как субъекты налогообложения, т. к. являются «индейскими мужчинами» [Petition signed by John Cuffe and Paul Cuffe regarding taxation]. Причем в обращении указывалось, что Пол, помимо всего прочего, не достиг совершеннолетнего возраста, а Джон не является его законным представителем. На этом основании братья требовали снижения подушных и имущественных налогов [Sherwood, 1923, с. 164]. 22 апреля 1781 г. они подали аналогичное обращение к выборщикам, «чтобы узнать, будут ли все свободные негры или мулаты иметь те же привилегии в этом городе Дартмут, что и белое население» [Primary documents]. Стоит отметить, что в 1777 г. аналогичное обращение в Общий суд Массачусетского залива подал Принс Холл.

Несмотря на то, что иск был отклонен, а сам Каффи и его брат Джон на какое-то время оказались в тюрьме, он все же сыграл свою роль в принятии в 1783 г. законодательным собранием штата законопроекта о предоставлении всем свободным цветным гражданам мужского пола права голоса. Можно предположить, что эта небольшая победа вдохновила Каффи на дальнейшие усилия в указанном направлении.

После знакомства с крупнейшими семьями квакеров во время Войны за независимость Каффи все активнее включается в борьбу за права цветного населения. Стоит отметить, что происходило все это в период так называемого Второго великого пробуждения, связанного с ростом популярности в США реформаторских течений, таких как методизм, баптизм, пресвитерианство и квакерство. Впрочем, все перечисленные тече-

ния к началу XIX в. потеряли значительную часть своего революционного потенциала. Они по-прежнему порицали рабство, но уже не призывали к активной борьбе с данным явлением. Квакер Пол Каффи не был исключением. Он обосновывал необходимость отмены рабства не столько с морально-религиозных и политических, сколько с экономических позиций, считая такой способ ведения хозяйства попросту нерентабельным.

Примерно с начала 1780-х гг. Каффи регулярно посещал собрания квакеров¹, но официально запросил членство в «Обществе друзей Уэстпорта» лишь в 1808 г., о чем сохранилась запись.

Особую роль в жизни Пола Каффи, безусловно, сыграло знакомство чернокожим аболиционистом Дж. Фортемом. Впервые они встретились в 1793 г. в Филадельфии, куда капитан прибыл с целью продать китовый жир и мясо, а заодно и приобрести материалы для постройки очередной шхуны. Фортемон тогда работал над изготовлением парусов у известного мастера Роберта Бриджеса, являясь его компаньоном [Winch, 2018, с. 2]. В 1798 г. афроамериканский аболиционист станет единственным владельцем предприятия. Фортемон и Каффи долгое время будут оставаться верными друзьями, деловыми партнерами и единомышленниками. Их письма являются ценнейшим источником по изложению взглядов на решение расового вопроса в США и идею репатриации. Именно Дж. Фортемон помогал Каффи в реализации его главного проекта, занимаясь вербовкой свободного цветного населения Филадельфии, которое выразило желание отправиться в Сьерра-Леоне. При этом стоит отметить, что после установления 1817 г. тесных контактов со знаменитыми афроамериканскими методистскими священниками Авессаломом Джонсом и Ричардом Алленом, создавшими в 1787 г. в Филадельфии Свободное африканское общество, Фортемон резко меняет свое отношение к идее репатриации, превратившись в ее яркого противника. Во многом это было связано с его противостоянием с Американским колонизационным обществом [Moses, 1996, с. 14].

Вообще обращение к идее оказания активной и всесторонней помощи своим «черным братьям» у Пола Каффи начнет отчетливо проявляться только с 1808 г. Так, в своем письме Джеймсу Пембертону он напишет:

«Я чувствую себя очень слабым и измотанным тяжелым служением, неспособным сделать больше для моих братьев африканской расы. Но благословен Бог, я такой, какой я есть, и все, что я могу себе представить, это то, что Богу угодно возложить на меня, чтобы сделать меня инструментом для того служения, которого я желал всегда» [Sherwood, 1923, с. 168].

В это время риторика Каффи становится все более религиозно-нравственной, что, безусловно, связано с членством в квакерском обществе. При этом не стоит преувеличивать значения данных изменений, т. к. они вполне типичны для американского аболиционизма того времени.

В июне 1810 г. Каффи впервые пишет квакерам в Филадельфию, что осенью намерен посетить Черный континент, куда пригласит всех желающих. Спустя два месяца капитан Каффи выступил перед «Обществом друзей Уэстпорта», изложив свои планы и получив одобрение со стороны его членов. В рекомендательном письме сообщалось:

¹ По некоторым данным собрания местной квакерской общины посещали еще его родители.

«Намерением капитана Каффи является организация экспедиции в Сьерра-Леоне с грузом, который, вероятно, подойдет для этого места, а также ведение наблюдений, которые позволили бы ему судить, правильно ли он поступает, поощряя некоторые трезвомыслящие семьи чернокожих людей в Америке поселиться среди африканцев, и, если это действительно так, в дальнейшем он намеревался перевезти их на своем собственном судне» [Allen, 1847, с. 85–86].

27 декабря 1810 г. судно *Traveller* с экипажем 10 человек вышло из порта Филадельфии, а 1 марта 1811 г. достигло Фритауна. Сразу по прибытии в Африку Каффи приступил к налаживанию связей с местными властями. Он встретился с губернатором Сьерра-Леоне Эдвардом Колумбайном, королем Томом, местными предпринимателями, посетил методистские собрания, школу и церковную службу. Кроме того, Каффи подписал петицию для Африканского института в Лондоне и вместе с другими предпринимателями основал «Общество друзей Сьерра-Леоне», целью которого было оказание помощи в развитии колонии [Harris, 1972, с. 17].

12 июля 1811 г. корабль Каффи прибыл в Ливерпуль, где капитан провел ряд важных встреч, а через два дня отправился в Лондон. Во время своего пребывания в Англии американский предприниматель успел пообщаться с квакером и ученым Уильямом Алленом, аболиционистом Томасом Кларксоном, парламентарием Уильямом Уилберфорсом, бывшим губернатором Сьерра-Леоне Захарией Маколеем, политиком Томасом Томпсоном, предпринимателем и судовладельцем Ричардом Рэтбоуном, предпринимателем Уиллом Миджли, банкиром и юристом Уильямом Роско, лордом Джоном Расселом, герцогом Глостерским Уильямом Фредериком и многими другими. Пол Каффи посетил Ньюингтон и Манчестер. 27 августа капитан выступил с докладом перед комитетом Африканского института, а уже на следующий день получил предложение возглавить новое поселение в Сьерра-Леоне.

20 сентября 1811 г. корабль Каффи отбыл во Фритаун, куда, согласно записи в дневнике, прибыл 12 ноября. Стоит отметить, что повторный визит в Африку оказался для капитана еще более продуктивным и продолжительным. На протяжении трех месяцев Каффи изучал особенности местного хозяйства, в частности, отметив хорошие условия для выращивания кукурузы и гречихи. Также по приглашению Джеймса Рида он принял участие в разработке конституции «Общества друзей Сьерра-Леоне». Главным же итогом стало, безусловно, достижение соглашения с местным губернатором о скором прибытии афроамериканских колонистов.

19 апреля 1812 г. Каффи вернулся в США в разгар войны, едва не лишившись судна и груза, который был признан британским. Их удалось вернуть только благодаря личному вмешательству президента Дж. Мэдисона. Предприятие пришлось отложить до окончания конфликта. Как всегда, Каффи не терял времени даром, продолжая вести переговоры с представителями правящих кругов США и Великобритании. Капитан даже подал петицию в Конгресс, требуя снятия ограничений на торговлю со Сьерра-Леоне. Также Каффи продолжил работать над проектом хозяйственно-экономического устройства будущей колонии. В частности, он отправил набросок петиции У. Аллену, который выглядел следующим образом:

- «1) эта поддержка может быть оказана всем нашим братьям из британских колоний или из Америки, которые могут стать фермерами и помочь нам в обработке нашей земли;
 2) это поддержка может быть оказана нашим иностранным братьям, которые располагают кораблями для этой цели, чтобы наладить торговлю в Сьерра-Леоне;
 3) тот, кто может взять на себя обязательство наладить китовый промысел в колонии, может поощряться к упорству в том, что полезно и похвальное предприятие» [Sherwood, 1923, с. 191].

Другим направлением деятельности Каффи в указанный период стала активная агитация за переселение в Африку среди свободного цветного населения США. Капитан объехал несколько крупных городов, таких как Балтимор, Нью-Йорк, Филадельфия, где выступал перед представителями местной афроамериканской общины. В этом можно увидеть попытку создания специальных горизонтальных низовых структур, способных оказать поддержку проекту репатриации уже непосредственно со стороны лиц африканского происхождения. Роль координационных центров выполняли квакерские сообщества и Нью-Йоркское отделение Африканского института.

Примерно в это время риторика Пола Каффи меняется. В своих письмах и обращениях капитан все чаще апеллирует к необходимости сохранения духовно-нравственных ценностей и традиций христианской религии в новой колонии, что объясняется стремлением к продвижению квакерской идеологии и созданию большой квакерской общины на Западе Африки. В риторике Каффи впервые появляются мессианские мотивы. В своем обращении к «моему рассеянному народу, братьям и соотечественникам в Сьерра-Леоне» он пишет:

«Я искренне рекомендую вам правильное совместное служение с целью поклонения Господу. Бог есть дух, и те, кто поклоняются Ему правильно, должны поклоняться Ему в духе и истине; при этом вы найдете живую надежду, которая будет как якорь к душе и опора при недугах. В этой надежде Эфиопия может протянуть длань Богу. Придите мои африканские братья и соотечественники, давайте вместе идти в свете Господа. Тот чистый свет, который приносит спасение в мир, явился всем людям и пребывает со всеми» [Sherwood, 1923, с. 192].

Особое внимание на себя обращает тот факт, что это обращение во многом перекликается со знаменитой речью Принса Холла перед Африканской ложей в Кембридже (штат Массачусетс) 24 июня 1797 г. [(1997) *Prince Hall Speaks...*]. Вот только в отличие от своего предшественника, Каффи был куда менее последовательным эгалитаристом и по возможности старался вообще не затрагивать темы рабства. Последнее можно объяснить вполне обоснованным опасением потерять поддержку со стороны представителей Южных Штатов в Конгрессе, а также некоторых американских предпринимателей.

После окончания войны Пол Каффи почти сразу приступил к реализации своего плана. 10 декабря 1815 г. его корабль вышел из Уэстпорта в направлении Фритауна. На борту, помимо членов экипажа, находилось 38 афроамериканцев. 20 из них были детьми [Greene, 1942, с. 307]. 3 февраля 1816 г. судно прибыло в Сьерра-Леоне. К тому моменту отношение местных властей к идее афроамериканской иммиграции изменилось из-за позиции губернатора Чарльза Маккарти, испытывавшего серьезные трудности с поддержанием порядка на вверенной территории.

Вернувшись в Нью-Йорк, Каффи предоставил местному отделению Африканского института доказательств высадки колонистов, а вскоре, по совету Самюэля Миллса и Роберта Финли, установил связь с Американским колонизационным обществом, созданным 21 декабря 1816 г. В указанное объединение входили влиятельные политики, юристы и религиозные деятели. Примечательно, что среди членов Африканского колонизационного общества были представлены как сторонники (Джон Рэндольф, Ричард Блэнд Ли, Генри Клей, Бушрод Вашингтон, Роберт Финли), так и умеренные противники рабства (Чарльз Мерсер). Это объясняется тем, что и те, и другие считали переселение свободных афроамериканцев на Черный континент решением проблемы этносоциальной напряженности в США.

Логично предположить, что основной целью аболициониста Пола Каффи в сотрудничестве с такой организацией являлся поиск новых партнеров и спонсоров для реализации его проекта, который становился все более затратным. Идеологическая составляющая здесь не играла существенной роли. До конца своих дней Каффи надеялся привлечь к участию в колонизационном проекте как можно больше инвесторов.

Выводы

Таким образом, можно видеть, что предпринимательская деятельность Пола Каффи неразрывно связана с его общественной работой. Попытки ряда авторов представить Каффи в образе бескорыстного альтруиста, положившего свою жизнь и интересы своего семейного бизнес-предприятия на алтарь служения делу освобождения лиц африканского происхождения и их возвращения на историческую родину — в корне несостоятельны, равно как и попытки изобразить его циничным дельцом, прикрывавшимся аболиционистскими идеями и готовым к любым компромиссам со сторонниками рабства и сегрегации. Фигура Пола Каффи гораздо сложнее.

Во-первых, никаких диалектических противоречий здесь не просматривается. Дело в том, что борьба за права чернокожего населения в США занимала капитана Каффи не столько как политическая, сколько экономическая идея, конечной целью которой он видел постепенную интеграцию свободного цветного населения в американское общество. Создание же колонии на Западном берегу Африки по образцу США рассматривалось Каффи всего лишь как один из перспективных проектов. Причем речь шла не о массовой эмиграции цветного населения, а лишь о группе колонистов, которые могли явить пример успешного создания процветающего поселения на родине предков. Примечательно, что свободный цветной человек рассматривался Каффи в первую очередь как субъект экономических отношений. Отсюда его категорическое несогласие с налогообложением без предоставления права голоса. Именно в развитии предпринимательской инициативы и наделении политическими правами Пол Каффи видел залог будущего процветания собственного народа.

Во-вторых, значительное влияние на Каффи оказало развитие фритредерства. Не сохранилось ни одного упоминания или отсылки в трудах капитана к работам Адама Смита и других представителей классической школы политэкономии. Зато

в его записях содержится немало упоминаний, что лучшим занятием является свободный труд, экспортное производство и свободная торговля. Каффи утверждал, что установление взаимовыгодных отношений между Сьерра-Леоне, США и Великобританией является вполне достижимой целью, несмотря на текущие политические реалии.

В-третьих, перевозку свободных чернокожих граждан США в Сьерра-Леоне Каффи, несомненно, рассматривал как крайне перспективное коммерческое предприятие, которое в скором времени способно принести огромный доход. Этим объясняются его настойчивые попытки привлечения средств как британских, так и американских меценатов. Каффи рассчитывал, что идея репатриации вызовет огромный отклик не только среди представителей афроамериканской общины, но и среди правящего класса США и Соединенного Королевства. Причем все основания для подобного рода умозаключений у него имелись. Идеи Каффи действительно находили одобрение и у американской правящей верхушки, включая трех действующих президентов, и у членов британского правительства, и у протестантских религиозных общин, таких как методисты, баптисты и квакеры, и у представителей Американского колониального общества. Таким образом, Каффи просто не мог не отдавать себе отчет в том, что в перспективе его проект может получить значительную финансовую и политическую поддержку. В этом отношении можно сказать, что главным просчетом предпринимателя являлась переоценка количества желающих отправиться на землю предков.

В-четвертых, будучи убежденным пацифистом и сторонником свободной торговли, Каффи был абсолютно уверен, что только такая экономическая модель принесет процветание, а заодно и разрешит все имеющиеся геополитические противоречия. При этом капитан совершенно игнорировал периферийный статус африканских колоний, считая, что свободный труд и торговля рано или поздно сделают колонию процветающей. В своих утверждениях Каффи, несомненно, опирался на собственный предпринимательский опыт и полагал, что британо-американский сценарий экономического развития вполне может быть воспроизведен на освобожденной африканской земле.

В-пятых, можно предположить, что Каффи больше симпатизировал британской экономической модели, чем американской, и во многом связывал процветание Соединенного Королевства с отказом от рабства. Последнее же Каффи считал экономически нерентабельным, а использование несвободного труда — тормозом общественно-экономического развития.

Что касается рассмотрения Пола Каффи как основоположника такого течения как черный национализм и панафриканизм, активно продвигаемого рядом ведущих исследователей, таких как американский профессор Уилсон Иеремия Мозес [Moses, 1996, с. 48], то здесь возникает ряд вопросов. С одной стороны — Каффи действительно обосновывал идею возвращения на историческую родину и, возможно, даже в какой-то мере разделял концепцию эфиопианизма, но с другой — настаивал на интеграции чернокожего населения в мировую экономическую систему и перенимание прогрессивного западного и христианского подходов к общественному устройству, что неизбежно влечет к отказу от культурной самобытности. Никакого традициона-

лизма в его взглядах не просматривается, равно как и обоснования расового превосходства. Даже предполагаемое в будущем обретение хозяйственной и коммерческой самостоятельности поселения в Сьерра-Леоне темнокожий аболиционист связывал с неизбежным его встраиванием в западную систему международной торговли. Таким образом, назвать Пола Каффи основоположником черного национализма достаточно сложно.

То же самое можно сказать и об отнесении его взглядов к радикальному афроамериканскому аболиционизму. В отличие от Р. Аллена и Дж. Фортена¹, Каффи никогда не призывал к немедленному искоренению данного явления, считая, что освобождение должно происходить постепенно. В этом отношении его позиция выглядела весьма умеренной и схожей с позицией все того же Принса Холла. Каффи никогда не призывал афроамериканское население к активному сопротивлению и сознательно дистанцировался от темы рабских заговоров и восстаний, но самое главное — его проект репатриации был рассчитан исключительно на свободное цветное население.

Еще одним распространенным заблуждением, связанным с фигурой Пола Каффи, можно назвать утверждения о том, что история его успеха абсолютно уникальна, т. к. связана с преодолением огромного количества расовых и административных барьеров, а также предубеждений, царивших в американском обществе. Такой подход сформировался уже после смерти капитана во второй половине 1820-х гг., когда в США наступил период реакции и ужесточения расового законодательства во многих штатах. В то время как предпринимательский взлет Пола Каффи был далеко не единственным — здесь можно вспомнить похожую историю его ближайшего друга, известного бизнесмена Дж. Фортена — пришелся на конец XVIII — начало XIX в., а это было время относительной либерализации, породившее у значительной части афроамериканского населения надежды на скорое освобождение. Причем штат Массачусетс² считался самым прогрессивным в данном отношении, а его расовое законодательство — наиболее либеральным. Город Бостон и вовсе имел репутацию признанного центра американского аболиционистского движения. Логично предположить, что все это подтолкнуло Каффи к мысли о скорой отмене рабства во всех штатах ввиду его экономической неэффективности. К тому же не стоит забывать, что предприниматель всегда уверенно преодолевал законодательные ограничения и даже умело использовал их в собственных бизнес-интересах. И наконец, Каффи преимущественно вел дела с представителями квакерской общины и убежденными аболиционистами, так что здесь его смешанное расовое происхождение играло скорее позитивную роль.

Неувядающую популярность фигуры Пола Каффи можно объяснить не только его выдающейся ролью в афроамериканской истории и истории аболиционистского движения, но и «прогрессивными» экономическими взглядами, не потерявшими своей

¹ Примечательно, что и Р. Аллен и Дж. Фортен впоследствии изменили свое мнение по поводу репатриации, став противниками этой идеи.

² В 1780 г. штат Массачусетс первым отменил рабство.

актуальности и по сей день. Вера капитана Каффи во всемогущество «невидимой руки рынка» остро резонирует с мейнстримом современной западной экономической мысли. А история его коммерческого успеха для многих исследователей ярко и наглядно иллюстрирует преимущества фритредерского подхода. В этом отношении капитана Пола Каффи действительно можно назвать пионером — пионером афроамериканского предпринимательства эпохи торгового капитализма.

Список литературы

- Ильинская А. А. 2016. Цели и тематика первой афро-американской газеты *Freedom's Journal* // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Том 1. № 3. С. 133–140.
- Ильинская А. А. 2019. Типологическая модель первой афро-американской газеты *Freedom's Journal* (1827–1829 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 213 с.
- Панова О. Ю. 2014. Негритянская литература США XVIII — начала XX века: проблемы истории и интерпретации: дис. ... доктора филологических наук. Москва. 787 с.
- Шумаков А. А. 2021. Принс Холл: у истоков движения «Назад в Африку» и черного масонства // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2021. Том 5. № 2. С. 433–458. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-2-3>
- (1997) Prince Hall Speaks to The African Lodge, Cambridge, Massachusetts // Blackpast. URL: <https://www.blackpast.org/african-american-history/1797-prince-hall-speaks-african-lodge-cambridge-massachusetts/> (дата обращения 15.03.2023).
- Abbott E. K. 2017. Beacons of liberty: free-soil havens and the American anti-slavery by movement, 1813–1863: a Dis. ... Doctor of Philosophy in History. Washington, DC. 365 pp.
- Allen W. 1847. *Life of William Allen, with Selections from His Correspondence*. Philadelphia: H. Longstreth. Vol. 1. 574 pp.
- Bruce D. D. 2001. *The Origins of African American Literature, 1680–1865*. Charlottesville: University of Virginia Press. 374 pp.
- Cuffe P. 1839. *Narrative of the Life and Adventures of Paul Cuffe, a Pequot Indian During Thirty Years Spent at Sea, and in Travelling in Foreign Lands*. Vernon: printed by Horace N. Bill. 21 pp.
- Greene L. J. 1942. *The Negro in Colonial New England, 1620–1776*. New York: Columbia University Press. 405 pp.
- Harris S. 1972. *Paul Cuffe: Black America and the African Return*. New York: Simon and Schuster. 288 pp.
- Moses W. J. 1996. *Classical Black Nationalism: From the American Revolution to Marcus Garvey*. New York: New York University Press. 257 pp.
- Nell W. C., Beecher Stowe H. 1855. *The Colored Patriots of the American Revolution: With Sketches of Several Distinguished Colored Persons: to which is added a brief survey of the Condition and Prospects of Colored Americans*. Boston: Robert F. Wallcut. 415 pp.
- Paul Cuffe, a Brief Biography. URL: <https://paulcuffe.org/biography/> (дата обращения 15.03.2023).
- Paul Cuffe and the Back-to-Africa movement. URL: <https://newenglandhistoricalsociety.com/paul-cuffe-back-africa-movement/> (дата обращения 15.03.2023).

- Petition signed by John Cuffe and Paul Cuffe regarding taxation. URL: https://nmaahc.si.edu/object/nmaahc_2009.26.1 (дата обращения 15.03.2023).
- Primary documents. URL: <https://paulcuffe.org/primary-documents/> (дата обращения 15.03.2023).
- Rashad A. Some Early Pan African Nationalists. URL: https://raceandhistory.com/historicalviews/Pan_African_Nationalists.htm (дата обращения 15.03.2023).
- Robinson J. 2020. Black Nationalism in 19th Century American Politics: The Involvement of African Americans in the American Colonization Society as a Black Separatist Political Strategy. URL: https://www.researchgate.net/publication/342523282_Black_Nationalism_in_19th_Century_American_Politics_The_Involvement_of_African_Americans_in_the_American_Colonization_Society_as_a_Black_Separatist_Political_Strategy (дата обращения 21.06.2023)
- Sherwood H. N. 1923. Paul Cuffe // *Journal of Negro History*. Vol. 8. Pp. 153–232.
- Thomas L. D. 1988. Paul Cuffe: Black Entrepreneur and Pan-Africanist (Blacks in the New World). Urbana and Chicago: University of Illinois Press. 187 pp.
- Winch J. 2018. Thou Art Often the Companion of My Mind: Paul Cuffe, James Forten, and the Portrait of a Friendship. URL: https://paulcuffe.org/wp-content/uploads/2018/02/Winch_Julie.pdf (дата обращения 15.03.2023).

References

- Ilyinskaya, A. A. (2016). Objectives and scope of the first African American newspaper *Freedom's Journal*. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 1(3), 133–140. [In Russian]
- Ilyinskaya, A. A. (2019). *Typological model of the first African American Newspaper Freedom's Journal (1827–1829)* [dissertation, Ekaterinburg]. [In Russian]
- Panova, O. Yu. (2014). *The Negro Literature of the USA of the 18th–early 20th c.: problems of history and interpretation* [doctoral dissertation, Moscow]. [In Russian]
- Shumakov, A. A. (2021). Prince Hall: the origins of the Back-to-Africa Movement and black Freemasonry. *Historia provinciae — zhurnal regional'noj istorii*, 5(2), 433–458. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-2-3> [In Russian]
- (1797) Prince Hall Speaks to The African Lodge, Cambridge, Massachusetts (2007). *Blackpast*. Retrieved Mar. 15, 2023 from <https://www.blackpast.org/african-american-history/1797-prince-hall-speaks-african-lodge-cambridge-massachusetts/>
- Abbott, E. K. (2017). *Beacons of liberty: free-soil havens and the American Anti-Slavery By Movement, 1813–1863* [dissertation, Washington, DC].
- Allen, W. (1847). *Life of William Allen, with Selections from His Correspondence* (Vol. 1). H. Longstreth.
- Bruce, D. D. (2001). *The Origins of African American Literature, 1680–1865*. University of Virginia Press.
- Cuffe, P. (1839). *Narrative of the Life and Adventures of Paul Cuffe, a Pequot Indian During Thirty Years Spent at Sea, and in Travelling in Foreign Lands*. Printed by Horace N. Bill.
- Greene, L. J. (1942). *The Negro in Colonial New England, 1620–1776*. Columbia University Press.
- Harris, S. (1972). *Paul Cuffee: Black America and the African Return*. Simon and Schuster.

- Moses, W. J. (1996). *Classical Black Nationalism: from the American Revolution to Marcus Garvey*. New York University Press.
- Nell, W. C., & Beecher Stowe H. (1855). *The Colored Patriots of the American Revolution: With Sketches of Several Distinguished Colored Persons: to which is added a brief survey of the Condition and Prospects of Colored Americans*. Robert F. Wallcut.
- Paul Cuffe, a Brief Biography*. Retrieved Mar. 15, 2023 from <https://paulcuffe.org/biography/>.
- Paul Cuffe and the Back-to-Africa movement*. Retrieved Mar. 15, 2023 from <https://newenglandhistoricalsociety.com/paul-cuffe-back-africa-movement/>.
- Petition signed by John Cuffe and Paul Cuffe regarding taxation*. Retrieved Mar. 15, 2023 from https://nmaahc.si.edu/object/nmaahc_2009.26.1.
- Primary documents*. Retrieved Mar. 15, 2023 from <https://paulcuffe.org/primary-documents/>.
- Rashad, A. *Some Early Pan African Nationalists*. Retrieved Mar. 15, 2023 from https://raceandhistory.com/historicalviews/Pan_African_Nationalists.htm.
- Robinson, J. (2020, 28 April). *Black Nationalism in 19th Century American Politics: The Involvement of African Americans in the American Colonization Society as a Black Separatist Political Strategy*. Retrieved Jun. 21, 2023 from https://www.researchgate.net/publication/342523282_Black_Nationalism_in_19th_Century_American_Politics_The_Involvement_of_African_Americans_in_the_American_Colonization_Society_as_a_Black_Separatist_Political_Strategy
- Sherwood, H. N. (1923). Paul Cuffe. *The journal of negro history*, 8, 153–232.
- Thomas, L. D. (1988). *Paul Cuffe: Black Entrepreneur and Pan-Africanist (Blacks in the New World)*. University of Illinois Press.
- Winch, J. (2018). *Thou Art Often the Companion of My Mind: Paul Cuffe, James Forten, and the Portrait of a Friendship*. Retrieved Mar. 15, 2023 from https://paulcuffe.org/wp-content/uploads/2018/02/Winch_Julie.pdf.

Информация об авторе

Андрей Андреевич Шумаков, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Тула, Россия
takamori@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4184-6232>

Information about the author

Andrey A. Shumakov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Tula, Russia
takamori@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4184-6232>

Научное издание

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные исследования. Humanitates
2023. Том 9. № 2 (34)

Редактор	<i>В. Е. Суслов, Т. А. Протасов</i>
Перевод	<i>В. Е. Суслов, Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>И. А. Штоль</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Башкиров</i>

Подписано в печать 12.07.2023
Формат 70 × 108/16. Бумага Хероx Perfect Print
Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro
Печать цифровая. 7,70 усл. печ. л., 6,16 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 347